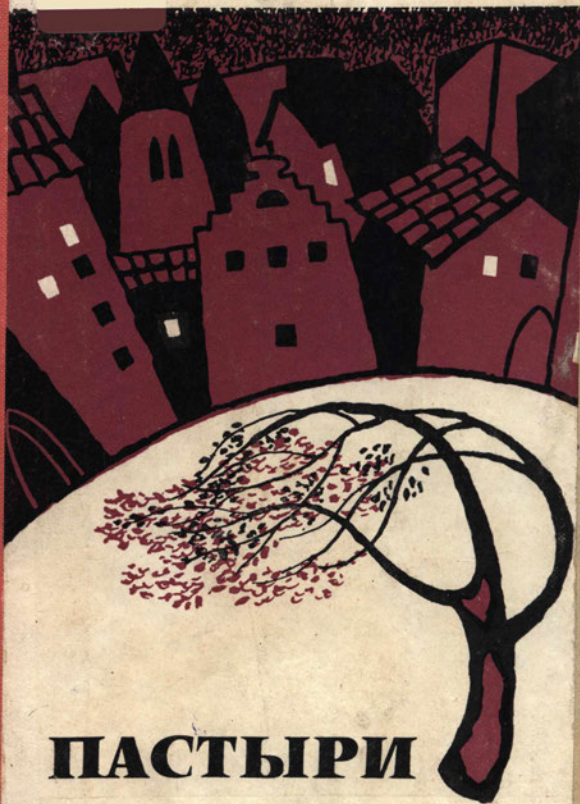

СОВРЕМЕННАЯ
ЗНАТОКСКАЯ
ПОВЕСТЬ

Петер Себерг

ПАСТЫРИ

Цена 28 к.

Пер 17 к.

В серии «Современная
зарубежная повесть»

Вышли в свет:

У. Бехер. В начале
пятого (ФРГ)

Дж. Брунамон-
тини. Небо над три-
бунами (Италия)

Р. Прайс. Долгая и
счастливая жизнь
(США)

Ж. К. Пирес. Гость
Иова (Португалия)

Готовятся к печати:

Г. Маркес. Полков-
нику никто не лижет.
Палая листва (Колум-
бия)

В. Кубацкий. Груст-
ная Венеция (Польша)

Э. Галгоци. На
полпути (Венгрия)

Peter Seeberg
HYRDER

arena
København
1970

Петер Себерг **ПАСТЫРИ**

ПЕРЕВОД С ДАТСКОГО

Издательство «Прогресс»
Москва 1971

Перевод Е. СУРИЦ
Предисловие В. МАМОНОВОЙ
Редактор С. БЕЛОКРИНИЦКАЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Повесть П. Себерга «Пастыри» — произведение весьма незаурядное в литературе современной Дании. Многие молодые собратья Себерга по перу — кстати, не только в Дании, но и в других Скандинавских странах, — почитая за особую честь называться «авангардистами», прежде всего заботятся о том, чтобы не отстать от западноевропейской «новой литературы». Тут и подражание французскому «новому роману», и попытки писать, следуя канонам немецкого «нового реализма», и образцы «экспериментальных текстов», создаваемых по примеру все тех же западноевропейских. Подражание может быть даже талантливым, но оно всегда останется подражанием. Себерга же отличает редкая самостоятельность творческой позиции, и в первую очередь это характерно для его последней повести «Пастыри». Прекрасно владея новейшими достижениями в технике письма, что дает основание датской критике причислять его к модернистам, Себерг вместе с тем сумел выработать свой собственный, неповторимый художественный метод. И главное: он один из немногих среди молодых скандинавских писателей, кто не боится признаться, что, по существу, идет за «стариками», следует традициям классики. Это значит прежде всего, что в центре его внимания остается рассмотрение человеческой личности в ее разнообразных связях с реальностью окружающего мира, которая столь часто ускользает от внимания создателей «нового реализма».

Живым интересом к проблемам нравственным, социальным, философским, то есть к тому, что насущно для человека на земле и чем всегда жива была большая литература, отмечена и повесть «Пастыри». «Пастыри» были написаны Себергом в 1970 году. Имя его стало известно датскому читателю в конце пятидесятих годов, когда он опубликовал свои повести «Посторонные» (1956 г.) и «Птичий корм» (1957 г.). С тех пор и

до выхода в свет «Пастырей» Себерг издал один лишь небольшой сборник рассказов (1962 г.), чрезвычайно интересных в качестве образцов современного скандинавского социального памфлета. Да, пишет он мало и публиковаться не торопится, отдавая в другое время совсем иным занятиям, работая, например, в археологической экспедиции. И тем точнее сказанное им попадает в цель. «Он бережит наши раны, и нам больно, — писал о нем после выхода в свет «Птичьего корма» датский критик Кнуд Нильсен. — Но для того-то и нужна нам литература, не для того же, чтобы нас убаюкивать».

«Бережить раны» Себерг начал сразу же, как взялся за перо. Больных вопросов современности он касается уже в своих первых повестях, явившихся, несмотря на разделяющее их время, в сущности, подготовкой к созданию «Пастырей». Герои и «Посторонних» и «Птичьего корма» — душевные и духовные импотенты, «не способные ни отдавать, ни брать», они «не хотят, не могут, не верят», это люди внутренне омертвевшие, посторонние кипящей вокруг них жизни, не участвующие в ней.

Как преодолеть эту «посторонность», как найти свое место в жизни и почувствовать себя действительно живым и всему живущему близким — таковы вопросы, к которым подходит Себерг в «Пастырях».

Нравственная — а отчасти и философская — проблема, составляющая ядро повести, задана, так сказать, уже в самом ее начале, в ее сюжетной завязке. Главный герой, невысокого чина служащий в системе социального страхования Лео Грей, возвращаясь на рассвете домой после ночи, проведенной с возлюбленной, переживает, сидя за рулем машины, своеобразный нравственный кризис. Неожиданно для себя он сталкивается лицом к лицу со своим внутренним «я» и честно, хотя и довольно тщетно, пытается разобраться, что же он в конце концов за человек, каково его место в жизни других людей и в жизни современного ему общественного организма, каковы вообще взаимосвязи человека с человеком и человека с миром, что значит помогать друг другу... Мы с напряжением следим за этим трагическим сумбурным внутренним монологом героя не только потому, что он интересен сам по себе, но и потому, что уже с первых страниц отчетливо ощущаем все нарастающую тревожную интонацию повествования. Оно перебивается или как бы взрывается изнутри загадочными фразами, намеками, ассоциациями, словно сулящими лекую катастрофу, драматическую развязку, необходимую для продолжения запущен-

танного душевного состояния героя и перепутавшихся обстоятельств его жизни.

Предчувствие не обманывает нас. Лео Грей, внезапно решивший повернуть с полпути назад, к возлюбленной, попадает в автомобильную катастрофу, его в почти безнадежном состоянии доставляют в больницу, и если он и останется жить, то полным идиотом, лишенным всяких реакций. Гибнет вроде бы совершенно отдельный, отгороженный от других духовный мир, однако эта гибель тотчас порождает своего рода цепную реакцию, толчками возмущающую застойную воду привычного существования соседних «миров». Вопрос, так и не решенный Лео, перерастает во множество новых вопросов, которые начинают мучить окружающих его людей. Сам Лео как бы уже не существует, как бы вне реальности — но тем реальней его воздействие на окружающих, вовлекаемых катастрофой в стремительный водоворот поступков, мыслей и чувств. Только с этого момента и начинают наконец проявляться взаимоотношения, проявляться в их истинной сути люди, и в том числе — через других — и сам Лео.

«Внутренняя свобода, — думает, сидя в машине, Лео, — прячется за фактической зависимостью, всех нас опутавшей, пусть не одинаково крепко, но все равно — по рукам и ногам. Важны лишь помощь и беспомощность, прочее не в счет». Так это или не так? И если так, то какое значение это имеет в жизни каждого из нас? Каждый из героев: и жена Лео Маргарита, и друг семьи врач Роза, и муж ее Конни, и брат и возлюбленная Лео — все они вследствие задевшей их жизни катастрофы поставлены в такие обстоятельства, когда волей-неволей вынуждены столкнуться с целым рядом вопросов, касающихся понятий «помощь» и «беспомощность», и решить их для себя, сделать практические выводы.

Нужно ли, разумно ли помогать почти безжизненной кукле в образе Лео? И кто вообще способен помочь разумно, то есть как раз там и как раз так, где и как это необходимо? Да и так ли уж вообще-то нужны мы друг другу? И не оказывается ли ущемленным именно тот, кто волею обстоятельств вынужден заботиться о других? Разве моя собственная личность менее ценна сама по себе, чем всякая другая, так почему я должен ею жертвовать, не разумнее ли думать о самом себе?

Вопросы эти в повести остаются не решенными до конца или ответы на них даются многозначные — редко прямо, чаще намеками, символами, логикой действия, подтекстом диалога. Но постепенно и неуклонно, как снимок на фотобумаге, прояв-

ляется некий закон человеческого существования, необходимость, данность: никуда не денешься, всякий человек связан тысячами нитей с другими, живет в других и через других и, отрекаясь, порывая нити, неизбежно оказывается «посторонним» и, главное, самому себе тоже не нужным.

Иными словами, все мы связаны между собой и отвечаем друг за друга, все мы в каком-то смысле пастыри по отношению друг к другу. Отсюда и само название повести, раскрывающееся в символическом сне Лео Грея.

Казалось бы, трактуя такую в общем-то не новую тему, легко впасть в банальность. А вот у Себерга ни малейшего привкуса банальности. И ни малейшего привкуса слащавости. Его героям, будь то вся светящаяся добротой, теплая, эмоционально яркая Роза (недаром она названа Розой) или же прохладная, замкнутая, ничем других не дарящая Маргарита (недаром она названа Маргаритой), одинаково чуждо обывательское понимание доброты по формуле «помогай другим, и они тебе помогут» или умиление филантропией. Да и сам Лео, помощник, так сказать, по роду профессии, весьма критически относится к филантропической деятельности — в данном случае уже в масштабах датской государственной машины, — говоря, что «доброта здесь — товар в эффектной упаковке». Все они живут в достаточно жестоком мире, где людям хорошо известно, что такое одиночество, изоляция, равнодушие. Не случайно у Себерга так много «изгородей» и «оград», а одна из глав так и называется «Вдоль оград» — символ поверхностности взаимоотношения, тщетности попыток проникнуть «сквозь». Маргарита, например, самая «отчужденная» из героев «Пастырей», демонстративно не признает доброты и не желает быть доброй. Но как раз для нее-то принятие закона человеческой взаимосвязанности и взаимответственности оказывается особенно важным, ибо без этого она остро будет ощущать себя лишней, не будет знать, что с собой делать. И она примет его. Проповедница собственной независимости, мечтающая жить наконец сама по себе, желающая смерти Лео как лучшего исхода, она в конце концов добровольно взваливает на себя обузу совместной жизни с калек. Она добровольно выбирает, как она выражается, «злую судьбу», она учится смотреть в лицо жизни и брать вину на себя, поскольку считает себя косвенно виновной в трагедии Лео. Пусть она делает это из самоутверждения. Но она совершает тот же выбор, что и Роза. Обе они не отстраняются, но берут тяжкую ношу на себя,

Та же тема ответственности, но уже не только перед самим собой или каким-то другим человеком, а шире — за положение вещей в мире вообще — затронута Себергом в связи с сыном Лео Марком. «Загадочное молодое поколение», — как говорит Маргарита. Знаменательно, что Себерг не прошел мимо современного молодежного движения, вызывающего столько споров во всем мире. Датская жизнь интересует и тревожит его не только в нынешних своих проявлениях, но и в своем развитии, и он пытается угадать, что несет с собой «загадочное поколение». Себерг увидел и наивные, нелепые, подчас уродливые формы «бунта» молодых, и их доходящую до жестокости прямолинейность, и вызывающую насмешку эффектную позу, и в то же время искренность их презрения к «паразитическому» миру взрослых, жажду справедливости. Молодое поколение находится в состоянии острейшего конфликта с современными формами западной жизни, будучи одновременно заражено теми же пороками — в этом смысл образа Марка.

Итак, проблема вины и ответственности. Проблема выбора судьбы. Выявляющаяся через личные судьбы общая картина мира — в данном случае картина Дании нашего времени (действие повести имеет совершенно точные временные рамки, с февраля по август 1969 года). Положение личности в окружающей ее действительности. Присутствие авторской заинтересованности, авторской концепции. Как, в самом деле, не похоже все это на «беспристрастный объективизм» иных скандинавских представителей «новой литературы», нередко оборачивающийся всего лишь равнодушием и незаинтересованностью в общечеловеческих проблемах современного бытия! Нет, Себерга интересует, волнует и мучает, отчего человек в родной ему Дании ощущает себя таким неприкаянным, лишним в жизни общественного организма или даже враждебным ему, откуда это разъединение людей, эта душевная растерянность. Автор «Пастырей» — не равнодушный регистратор фактов, но заинтересованный участник.

Себерга никак не обвинишь в прямолинейности, тенденциозности. Он пишет тонко, никогда не комментируя событий от своего лица, заставляя звучать подтекст, создавая многозначные образы, ставя перед читателем массу вопросов. И в то же время пишет точно, конкретно, вещественно. Как сказал о нем известный датский критик Енс Крусе, он пишет «ошеломляюще сложно и вместе с тем прозрачно просто». И в этой сложной простоте особое очарование его таланта.

Сам Себерг в интервью, данном им корреспонденту норвежского журнала «Виндуэн» еще в 1964 году, сказал, что, по его мнению, какие угодно сложные и высокие мысли могут быть выражены в достаточной степени ясно и общедоступно. И доказал это в «Пастырях», которые, при всей своей многозначности, доступны любому восприятию.

Успех, которым пользуется сейчас Себерг у себя в стране, не однодневный, не случайный. Датская критика с самого начала возлагала на него большие надежды как на писателя, который способен сказать новое слово в литературе. Теперь, после выхода в свет «Пастырей», стало ясно, что надежды эти оправдались. И хотя в уже упомянутом интервью Себерг с заведомой скромностью сказал о себе: «Быть писателем для меня лишь желаемое, к писателям я себя не причисляю», его, безусловно, можно причислить к наиболее интересным писателям современной Дании.

В. Мамонтова

Глава 1

КАРТОЧНЫЙ ДОМИК

Лео Грей, ранним февральским утром удаляясь от Таубена, спрашивал себя, зачем он уехал, когда бы так хорошо остаться. Он был печален, он пережил радость. Он был одинок, он пережил близость с той, которую полюбил и не разлюбил. Но это настроение пройдет, счастье берedit раны, которые залечатся в тени и в тайне.

Дорога через пригород была скверная, старая брусчатка бежала по рытвинам, по несчетным лужам, постоянно грозя столкнуть Лео с каким-нибудь велосипедистом, метнувшимся из калитки в ограде и спешащим на работу, в жадно распахнутую пасть города.

Цистерны с молоком останавливались подле молочных, в сумраке булочных продавщицы расставляли хлеба по полкам и витринам; автобусы мчали от одной остановки к другой редких пассажиров, словно рисованных на дереве — вытянутых, печальных и без газет в руках.

Наконец брусчатка влилась в широкую черную автостраду, и его закружило по спиральям нового чуда, призванного связать ряд важных индустриальных центров, системами готических сводов и образами неевклидовой геометрии набегавших на машину. Желтые огни пригорода тонули во тьме неочнувшегося утра и пасмах февральского тумана. Пришлось сбавить скорость. Можно рассеяться.

Время от времени его обгоняли уверенные водители, упершиеся взглядами в туман, в убеждении, что это надежнейшая гарантия от всех неожиданностей.

Лео подумал о будущем. Оно было недолгое. Для него это сутки, если повезет — двое, а потом пойдет

длинный ряд несвязанных станций, и надо сперва добраться до первой. Во-первых, он скажется больным, во-вторых, он разожжет камин и наденет плафрок, в-третьих, он уляжется на софу и предастся счастью. Он позволит себе еще раз почитать притчу о мальчишке-барабанщике из Арколе, о том, как тот в разгар битвы переплывает реку, заходит в тыл австрийцам и ударяет в барабан и как австрийцы репают, что французы их окружили, и пускаются наутек. Отличная идея, просто отличная. Остаток жизни барабанщик посвятил рассказыванию этой истории, всякий раз снабжая ее новыми подробностями.

Потом он позвонит Розе, он извинится, что сегодня не придет к ней лечить зуб, но, может быть, она заглянет? Он соскучился. Только пусть ненадолго, ему хочется выкроить тихий одинокий вечер, если вдруг не нагрянет Маргарита, а нагрянет — так придется это отложить.

Лео подумал о прошлом. Протяженность его была довольно четко ограничена. Оно было короткое, но насыщенное и началось — довольно точно — два дня назад. Все, что прежде, — только предпосылка.

Утром позавчера было февральское утро, солнце проступило на небе огнестрельной раной, и едва ли больше, чем на полчаса. Он встал в темноте, разжег камин, сварил кофе и полистал книгу. В такой час можно неограниченно и невидно общаться с людьми. Если в такой час он вспомнил о женщине, у мужчин нет оснований ворочаться в постели, а у женщин — подавлять тихую улыбку. Он поговорил и со старыми, далекими друзьями (друзья всегда далеко). Утром легче прийти к соглашению. Утром все словно спешит из осаждаемого города и почти не теряют времени зря.

Утро утекало. Он разгребал головешки в камине. Он пил кофе и читал книгу, беспрестанно рассеиваясь. День разгулялся было, но тотчас похолодало, и космы тумана супились и сходились, как брови в гневе. Солнце поднялось высоко, а он и не заметил. Вдруг оно встало над телевизионной антенной напротив и глядело таким чужим, что он вышел на террасу, чтоб рассмотреть его. Чем выше оно забиралось, тем верней заползало в туман, и собственные лучи грозили ему удушьем. Все это совершалось на глазах. Однако на полчаса ясно

осветился квартал, откуда как раз начали выгромыхивать машины, покуда жены с младенцами на руках с крылец махали удаляющимся кормильцам. Небоскребы на южном крыже вслушивались друг в друга. Старый город в низине, исколотый трубами нерентабельных текстильных фабрик, казался краснее обычного.

Наконец солнце выбрало тучу погуще и спряталось, в порту взвыли сирены, туман замигал точками фар. Он кашлянул и тотчас вошел в комнату.

Маргарита уже встала. Он заварил ей чаю, поджарил гренки, сварил яйцо, очистил грейпфрут, принес газету, приготовясь, впрочем, уйти, как только она появится. Через щель в ванной они договорились, что днем встретятся и вместе посмотрят машину.

Маргарита присмотрела голубой спортивный автомобиль, хотя соблазнилась было большим пикапом из-за его практичности.

Утро шло. У ворот дома для престарелых, где он поставил машину, застегивая пальто или просто глядя друг на друга, топтались старики. Он прошел вдоль стены с обрывками афиш и следами меловых лозунгов, мимо булочной с пирамидами утреннего хлеба, мимо цветочной с зелеными гирляндами, мимо похоронного бюро с элегантными урнами, мимо сапожника-ортопеда в подвальном окне, украшенном порнографическими открытками, мимо бакалей, где продавалось самое дешевое в городе кофе и вишневка, и вошел в парк с густозелеными лужайками, где в тумане стояли призраки плакучих берез и желтые дома для стариков с навесами из волнистого железа и где рождественские елки, которыми пренебрегли мусорщики, ждали, чтоб их отвезли наконец в поля или в какой-нибудь сад.

В верхнем этаже слева он позвонил, за дверью отозвались криком:

— Это вы, э-э?..

На старике были темные очки и в одном стекле — лупа, позволяющая с большим трудом читать книгу.

— Да, господин Белинский, — ответил он, — вас, верно, многие беспокоят?

— Ах, не знаю, — сказал Белинский, — всем надо мне помогать, особенно с тех пор, как умерла жена. «Почему бы вам не переехать? Вам будет лучше. Вы не можете себя обеспечить». Не могу же я втолковывать

таким людям, что не терплю, чтоб кто-то совал нос в мои дела. Понимаете, никто не верит. Стоит вам присесть на скамейку в парке или там во дворе, скажем, устали вы, или просто хотите спокойно подумать, или просто солнышко светит, и если у вас к тому же плохо на душе — ну, вы пропали. Тут же рядом с вами кто-то сядет, уверяю вас, и заговорит с вами из самых лучших побуждений, из желания вам помочь. «Ах, что вы, еще не все пропало...» Им легко говорить, их от этого не убудет, ну а вам, конечно, лестно, если такая вот дама легонько возьмет вас под руку и немного проводит. Ну, а там, а там...

Белинский откашлялся.

— Знаете, хочется ведь поделиться...

Он огляделся и принялся напевать.

— Пойдемте на кухню, — сказал он.

На кухне Лео застал пожилую женщину в пестром халатике, занятую чисткой картошки. У нее был робкий взгляд за очками, она прихрамывала.

— О, — сказал Лео. — Вот оно что. Это же чудесно!

— Да, конечно, чудесно. — И она покраснела.

Белинский крикнул из комнаты:

— Вы все поняли?

— Не все, — ответил он и кивнул женщине, отвернувшись и повторил «не все», входя в комнату.

— Дама, с которой вы поздоровались, живет у меня. Мы поженимся. Месяца через два-три. Она живет тут же, в другой квартире, чуть подальше и пониже, потому что ей трудно ходить по лестнице. Понимаете, ее муж еще не умер, он в больнице. Это тянется уже давно, надежды никакой, но он так долго умирает, бедняга, так что сейчас мы пожениться пока не можем, но вот вопрос — где нам жить? Мне говорят, что, раз я один, я не могу занимать эту квартиру.

— Лучший выход — вам переселиться к даме, — ответил он.

— Наверно, для мужа это не лучший выход, — сказал Белинский, — зато нам так лучше, а? Мы тоже ведь не вечны, и мы любим друг друга. Но соседи грозятся, что все скажут мужу.

— Переселяйтесь, а там видно будет, — сказал он.

— Хотелось бы уж знать, на что рассчитывать, — сказал Белинский.

Он встал и распрощался, и, когда он выходил, Белински поднял руку — далекое, архаическое приветствие, не требующее ответа.

С утренними трудами было покончено, и он продолжил лечение зуба у Розы, перед тем как отправиться в контору, где он продиктовал отчет о Белински, который надлежало представить на собрании отдела с тем, чтоб в дальнейшем такого рода дела велись с большей гибкостью. Затем он покупал с Маргаритой машину. Затем Маргарита позвонила, что уезжает на новой машине отдохнуть. У нее осталось от отпуска несколько дней, и фирма просила ее тотчас их использовать. Он сказал, что время для этого самое идиотское, но что поделаешь, он желает ей удачи. Впрочем, ему лучше бы помалкивать. Она зарабатывала больше него и из всех сил старалась доказать, что она сама себе хозяйка, в том числе и в сердечных вопросах.

Вечер он провел у Розы и Конни, который вел себя вполне по-людски, хотя за последнее время пережил несколько приступов мании преследования. Отец Розы тоже был. Конни после обеда ушел по делам, отец посидел еще, и наконец он остался один на диванчике и клевал носом над журналом со смелой статьей о будущем, в которой людям предлагалось устраивать друг для друга сплошное всеобщее игрище. Вряд ли оно будет неопасно и не сопряжено с риском.

Роза провожала его домой, с самого начала терзаясь, что бросила дочь, но совершенно преобразилась, когда выяснилось, что он забыл ключ, и ей пришлось влезать в выбитое окно, и она опрокинула полку со стиральным порошком и овсянкой. Она от души веселилась. А ушла только под утро, многие часы просидев в запертой ванной, потому что он сказал ей, что она ему как сестра.

Ну а наутро он отправился в Таубен по сырости и непогоде, а теперь возвращался назад.

Лео Грей не слишком любил своих коллег — чересчур уж рьяно относились они к службе, всю жизнь посвящали одной идее и продолжали ломиться в запертую дверь, когда эта идея оказывалась несостоятельной. Методы рекламы и военного администрирования начали завоевывать лучшие умы, отданные социальному обеспечению. Доброта была товаром и нуждалась в эффектной упаковке. Возмущение было тем добрым

знаком живого интереса, который он любил в других и не находил в себе. Поездка радовала его, собственно, только близкой встречей с Эрной. Вот он обвел глазами ряды, но ее не нашел. Он сел в самом дальнем ряду, и тогда, чуть запоздавшая, она обдала его веснушчатой улыбкой, пробегая к первым рядам, где всегда садилась, чтобы удобней выступать.

В утреннем докладе содержались странные предложения, и Эрна грозила докладчику легкой взбучкой, но все обратилось в шутку и разрешилось обеденным перерывом. Он подждал Эрну у выхода, она, радостная, подошла к нему, потрепала, как ребенка, за уши и спросила:

— Привет, мрачная личность, тебе сразу все выкладывать?

Они сели за столик. Он положил руку ей на руку, она накрыла ее другой рукой, он шлепком достроил пагоду и сказал:

— Эрна.

Она высвободила левую руку, чтоб налить пива.

— Знаешь новую игру?

— Да, Лео, знаю.

— Плохо, Эрна. Я понятия о ней не имею. Ты уже с кем-то играла?

— Да, — сказала она. Он раскрыл левую ладонь и протянул к ней. Она ударила по ней кулачком.

По окончании вечерней программы они забросили портфели в машины и пошли бродить по городу. Стемнело, фонари маслянисто отражались в тротуарах и улицах, навстречу шли люди в духе и не в духе и не смотрели на них. Они проходили мимо, сходились, расходились, подавались вправо, влево и отмечали в уме десятки подробностей, которые помогут им не заблудиться.

— Повезло нам с тобой, Лео, — сказала Эрна и загнула его левую руку ему за спину.

— Всем везет, Эрна. Поймала синичку в руку, ну и ладно.

— Нет, не ладно, — сказала она.

— Пусть, — сказал он. — Но нет смысла чего-то требовать. Вот.

— О да, — сказала она.

Они ужинали вместе, танцевали вместе, вместе бродили по городу и вместе отправились в гостиницу.

— Это становится дурной привычкой, — сказала Эрна и потрепала его волосы. — Два раза в год.

— Этого, в сущности, не может быть, Эрна, — сказал он и снова обрадовался тому, какая у нее кожа, гладкая и терпкая, — это против мирового порядка.

— Нет, Лео, просто ты ничего не понял.

Спасавшаяся бегством страсть оставляла им в наследство тепло и нежность, заклиная бережливо с ними обращаться. Они слышали шорох дальних крыл, они видели свет, они словно обрели власть осязать, трогать голоса друг друга.

Эрна уронила слезу, когда утром он собрался ехать. Они не знали, когда теперь увидятся, они не улаживались.

— Позавтракаем вместе, — попросила она. Но для него это было слишком. Он уже решил ехать. И вот он на обратном пути.

Фары чутко щупали дорогу и время от времени бегло читали вывески, стоявшие у самого шоссе, там, где шло дорожное строительство, дальние же большие рекламы слишком поздно выныривали из темноты и потому исчезали в ней неопознанными.

На оставшихся сорока километрах пути ему, в который уже раз, следовало разрешить вопрос о своем месте в общей модели мира, которая ему представлялась неуравновешенной системой неисчислимых и не всегда взаимных усилий помочь. Достаточно быть самим собой, чтоб уметь помогать впопад, но в таком случае и само понятие помощи обречено на вырождение: если каждый научится помогать другим, он и себе сумеет помочь, а кому же тогда нужна посторонняя помощь? Внутренняя свобода прячется за фактической зависимостью, всех нас опутавшей, пусть не одинаково крепко, но все равно по рукам и ногам. Важны лишь помощь и беспомощность, прочее не в счет. И этого не изменить. Ну, а он поставил себя в такое положение, когда ему не обойтись без нравственных жертв, в бессмысленности которых он заранее убежден. Он подумал, что надо быть дружелюбней с Маргаритой, надо бы быть нежнее. Они не женаты, он ничем ей не обязан, ни о чем таком у них не было договора, но

как-никак, если ты прожил с человеком двенадцать лет, лучше выказывать ему больше тепла. Момент для этого, правда, выбран самый неудачный. Чего он добьется? Маргарита отправилась своей дорогой и — кто знает, — может быть, близится сейчас к их общей судьбе кружным путем, на котором ей повстречается другой, и чем меньше он, Лео, выкажет ей участия, тем ей же будет легче. Он бы и сам давно отправился своей дорогой, если б не так боялся угодить в группку женщин и мужчин, обедающих всегда вместе, всегда в одном ресторане и живущих попеременно друг с другом, чтоб провернуть, могут ли они кого-то выносить больше нескольких часов кряду. Он ведь такой. Эти мужчины слишком много курят и пьют, по пять дней не бреются, ходят в синих рубашках в белую полоску, вздуваются от пива. Но хорошо, что не он один такой.

Вероятно, ему следовало бы выказывать больше интереса своему сыну, Марку, который учится в университете, побывал на Кубе и нынче всеми силами готовит революцию. Это симпатично. Домой он почти не пишет, оно и понятно. Маргарита не мать ему и не очень мирится с его выходками. Больше интереса сыну — безупречное намерение, но, пачни он это намерение осуществлять, он тотчас споткнулся бы о непреложность фактов: Марку его интерес не нужен ни сколько, и он потребовал бы от отца, чтоб тот к нему не совался. Далее, ему было бы разъяснено, что он слишком уж погряз в обезьяннике и снова стать честным человеком может лишь в исключительной ситуации, пожертвовав собой ради правого дела или хотя выказав такую готовность (что все же вероятнее). Лео прежде не раз подумывал, не поехать ли ему в слабо-развитую страну, не помочь ли тамошним аборигенам своими знаниями. Но по мере развития этих стран все очевидней открывалось, что страны эти превосходно обойдутся и без его докучливого человеколюбия.

Он почти набросал в уме собственную характеристику. Человек чувствующий, но не деятельный. Скрытый, деликатный, предупредительный — все в известных рамках, принимающий к сердцу страдания ближнего, но не гибкий, в каждом шаге ограниченный данностью.

Он принял без оговорок, что всякий разделяет извечные предрассудки круга, определенного ему рождением, и это никогда его не обескураживало, не заслоняло перспективы. Но ничто не может его высвободить от главного в его судьбе: он имеет твердое место и твердый заработок и вряд ли может без них обойтись. Зависимость эта, не такая уж страшная, обуславливает его отношение к более общим вопросам. Лучше всего ему будет при условии, если сохранится status quo. Такова первая посылка. И о ком же еще, кроме себя, думает он с такой самоочевидностью, ратуя за этот самый status quo? Почти ни о ком. Такова вторая посылка. Мир — это он сам, его работа, прогрессивная, прекрасная, но все же не более чем лавочка, где он служит.

Дорога близилась к концу, а он так и не разрешил нравственной дилеммы, и ему все меньше хотелось ее разрешать.

Было еще темно, ничего не видно, и дорога уже безудержно льянула к клумбам и мосткам, тянулась к отдыху. У первого же мотеля желание глотнуть кофе и побыть среди людей прервало его упрямое возвращение, он повернул навстречу большой черной луже и остановился подле ресторана.

Глава 2

ЧУЖАЯ РУКА

Лео Грей поставил машину у ресторана при мотеле, проехав около 120 километров от Таубена, где он рано поутру простился с любимой женщиной. В дороге он пережил нравственный кризис и готов уже считать бессмысленной собственную жизнь — точка зрения, которую мы не примем. Мы возразим, что покуда Лео Грей хоть немного нужен самому себе, он нужен и нам. Более того, если даже он и самому себе окажется не нужен, кое-кто из нас, возможно, еще будет им дорожить.

Ему пришлось пройти летнюю веранду, чтобы попасть в ресторанный зал, увешанный, как канадская хижина, оленьими рогами и шкурами, и мишенями для стрельбы из лука и метания стрел. Утром это выглядело странно.

Несмотря на безбожную рань, в зале уже собрались первые едоки: четверо шоферов зевали в уголке над булочками; дама, недавно прошедшая зенит своих лет, очевидно, дожидалась, пока проснется супруг, несколько щеголеватых газетчиков обсуждали дела за стандартным завтраком — глазунья, жареный бекон, копченая колбаса, сыр, повидло, масло, тосты и кофе. Запах одного из компонентов тотчас соблазнил Лео.

У официанта было не слишком много хлопот.

— Счастье — надежнейшая защита против угрызений совести, — горько процитировал Лео старого автора, к которому так часто за долгие пенсионные годы прибегал его отец. Он подобрал со стула мятую вчерашнюю газету и в ожидании еды стал наудачу листать.

Покуда он поглощал ее содержимое, ему захотелось позвонить домой, проверить, дома ли Маргарита. Позвонить надо было непременно; и еще захотелось позвонить Эрне, которая, конечно, пока не встала, во всяком случае не успела выйти из гостиницы. Тут надо было решиться, и почти все говорило против звонка. Никогда прежде он Эрне не звонил; цепи, связывавшие их безусловной преданностью, были, возможно, слишком тонки, чтобы выдержать лишний груз; он сам не знал, чего он ждет от этого разговора, ему лишь смутно представлялось, что надо вернуться, надо позавтракать вместе с Эрной, и они поговорят, и она поможет ему, хотя никогда он с нею так не говорил и никогда не просил о помощи. Она, пожалуй, удивится тому, что он просто-напросто нуждается в поддержке, как удивился бы портной Белинский, если б Лео ни с того ни с сего к нему пришел за добрым советом и ободрением. Лишь после настоящей катастрофы могут поменяться ролями те, кто призван помогать, и те, кто принимает помощь, хотя, рассматривая мир с общей точки зрения, нельзя уверенно определить, кто — беспомощный, а кто — помощник.

Он вошел в телефонную будку и трижды набрал свой номер, но никто не снял трубку. Звонок, однако, был не вовсе напрасен: он напомнил ему о незастланной постели, грязных тарелках и просыпанной овсянке, которую Роза занесла по комнатам.

Все это он прикинул в уме, стуча монеткой по стеклу, а затем позвонил в гостиницу и спросил, отвечают ли в таком-то номере.

Она тотчас подошла, отозвалась чуть растерянно.

Ему пришлось откашляться, он как будто впервые с ней разговаривал.

— Эрна, это Лео...

— О господи... Лео? Ты? Чудесно, просто великолепно, что ты позвонил. А я все лежала и думала о тебе. Должна тебе сказать, без тебя тут ничего хорошего.

Он снова откашлялся.

— Эрна, мне тоже было паршиво.

— Что-то случилось, Лео? Ты где?

— В ста двадцати километрах по шоссе, завтракаю.

— Ничего себе. Представляешь, если б ты сидел сейчас тут.

— Я вот как раз об этом подумал.

— О чем?

— Что это было бы куда разумней.

— Ты с ума сошел.

— Полтора часа езды. Ты занята? Сейчас только полвосьмого.

— Лео, этим не кончится, вот я чего боюсь.

— Эрна, я всегда знал, что чему быть, того не миновать.

Она помолчала, потом тихонько ответила:

— Ты идиот, Лео.

— Не надо было звонить, я знаю.

— Теперь нам не будет покоя, Лео.

— Почему, Эрна?

— Так всегда бывает, Лео. Сам знаешь.

— Ты сердисься, что я позвонил?

— Лео. Ты приезжай, — выговорила она тихо. — Я рада, что ты приедешь, я скажу, чтоб на работе не ждали, что я не могу прийти.

— Через десять минут я выезжаю, от силы через два часа я буду с тобой.

— Хорошо, Лео, — сказала она. — Я рада. Ты сумасшедший.

Он осторожно положил трубку. Он вернулся к столу завтракать и, когда сел, увидел зеленую

куртку Конни, очевидно направлявшегося в Таубен и заглянувшего сюда выпить чашку кофе.

Лео Грей помахал ему и показал на стул подле себя, беспокоясь, впрочем, как бы ему из-за этого не задержаться. Конни в ответ лишь кивнул — Лео не мог расценить это иначе, как угрюмый отказ, — направился к столику у самого входа, бросил куртку на стул и сел, не отрывая глаз от шоссе, по которому тянулся караван цистерн. К нему не подступиться, это ясно, и Лео подумал о том, что Розе, верно, пришлось больше суток выносить его колкости из-за того, что она наконец решилась махнуть на все рукой и один вечер отдохнуть.

Он успел еще послать в контору телеграмму, что заболел и его сегодня не будет, и дважды позвонил домой проверить, не появилась ли Маргарита, но телефон молчал. Что же, пусть она отдыхает. Потом он еще почитал газету, искоса наблюдая за Конни, который торпливо проглотил чашку кофе, съел венскую булочку и тотчас вскочил, и как против ветра, по сугробам, был труден для него путь к двери, откуда он глянул на Лео и снова кивнул. Лео в ответ помахал рукой. Конни было явно не по себе. Лео видел, как он сел в свою старую шведскую машину, на которой много лет назад был номером 21 на гонках в Монте-Карло. Он водит машину с невероятной ловкостью, Лео запомнил это по тем временам, когда они чаще виделись и ездили вместе.

Лео покончил с завтраком. Он расплатился, надел пальто. Он вышел и завел машину, подвел к колонке, заправился, проверил покрышки, протер стекла, теперь можно было спокойно ехать туда и обратно. Он расплатился за бензин, выехал на шоссе и повернул к Таубену. 120 километров.

Картина будущего, которую он успел набросать, теперь серьезно изменилась. Он возвращался к счастью, к Эрне, но сомнения и тревога не убывали от радости. Наоборот, он отдавал себе отчет в том, что все поставлено на карту, он съест свой последний хлеб и не насытится.

Он правил уверенно, не гнал, пропускал другие машины, сторонясь к травянистой обочине. Движение было еще неровно и прихотливо, иные мчали сломя голову по самой середине, обгоняли всех, этим надо было

успеть оформить накладные, но опасней были сельскохозяйственные машины с погашенными фарами и сонные водители грузовиков, которые, бывает, вдруг сворачивают где не надо. Он не гнал.

Он глянул на часы, было двадцать минут девятого.

Надо поспеть к началу одиннадцатого.

Пробился дневной свет. Теперь не так уж далеко. Он выехал на более удобный участок шоссе.

Он приближался с тяжелым сердцем к поджидавшему его счастью.

Бывает, водитель вдруг расслабится за рулем. Вдруг забудет о необходимости контролировать каждое движение. Так именно было с Лео. Он забыл об осторожности. Он выпрямился за рулем, сел привольней. Он увеличил скорость на двадцать километров и уже ничего не ощущал, кроме стремительности и устремленности. Зачастил бег деревьев у обочины, шоссе выпрямилось, не стало крюков и щербин, руль, дрожая, веселил руку. Скорость была уже 120 километров. Ни одной сельскохозяйственной машины, ни одного бульдозера, путь открыт.

Судьба не станет без оснований вторгаться в такой ход событий. Вопрос о причинности остается открытым.

Лео Грей увидел на шоссе человека. Первая его реакция была, что этого не может быть, никого нет, вторая — что все же не стоит его давить; эта реакция еще не оформилась в мысль, а он уже отчаянно жал на тормоза. Машину стало заносить, он попытался ее выровнять, но машина потеряла управление. Она метнулась по жирной траве и косо врезалась в придорожное дерево. Лео Грей при этом ударился о ветровое стекло и потерял сознание. Машина кувырком покатила под откос и наконец на все четыре колеса шлепнулась в поле. Мотор молчал.

Машина, сохранив направление хода, стояла в десяти метрах от шоссе. Туман почти на нет сводил видимость, лишь светились окна служб, да то и дело прокаливали туман лучи фар. В тишине, которая текла и сочилась, длинно стучал насос, тяжело хлопали двери, перекликались редкие дальние голоса, урчали моторы тракторов и сворачивающих с шоссе машин. Животные молчали.

Запахов не было. Удивительный феномен как раз заставил астрологов целый месяц говорить о поворотном пункте в истории — и этот феномен была сырость, влажность. Если чем и пахло, то пахло водой. Пахота опьянела от воды, и навалившийся на нее автомобиль извлекал из ее нутра то икоту, то бульканье, то вздох.

Движение к Таубену обретало постепенно слаженность и мощь финала. Водители автобусов все поднимали руки ко рту, зевая как бы в лад дирижерской палочке. Когда они закуривали, в автобусах дружно разгорались костры. Никто из них не примечал ни столь явно освежеванного столетнего вяза на восемьдесят пятом километре от Таубена, ни скользкого дугобразного следа, ни вмятины откоса, ни одинокой машины в поле. Как личность Лео Грей к этому моменту почти не существовал, он утратил реальность и как член общества. Это было почти небытие.

Зачатки дня уже все окатили белеющим светом. Деревья встречали его скрипом верхушек, и, приложившись к свежей ссадине коры, вы уловили бы упрямый в дереве запах весны и даже затаившегося в корнях лета.

Большая цистерна с молоком направлялась тем временем к Таубену, и груз требовал от шофера особенной тщательности. Он осторожно правил к покалеченному дереву, вызвавшему о внимании. Сейчас все обнаружится, и шофер затормозит. И придет помощь.

Дорога была знакома шоферу Грегору как его пять пальцев. Кошка, упавшая в канаву, птенец, слетевший с ветки, каждый поворот, каждый пеший, который мог выйти на шоссе с тропки или поджидать его на обочине с поднятой рукой, — все было знакомо Грегору.

Уже в ста метрах его фары начали бережно ощупывать место происшествия. Грегор начал понимать. Машину швырнуло вбок, машина ободрала дерево: он видел свежую рану, отражавшую свет фар и нерешительный день. Он высунулся из окошка, затормозил и увидел машину на пашне. Чуть подальше, он знал, шоссе расширялось, там была стоянка, он подвел туда цистерну, выключил мотор и вылез из кабины, отчаянно разволновав болтавшегося на шнурке резинового тролля. Он медленно побрел назад, у дерева остановился, увидел

голую рану и рядом содранную кору, потом посмотрел на смятый кузов. Он осторожно спустился в кювет, потом вниз по склону и остановился в нескольких метрах от машины и сунул руки в карманы. Понуждая его не верить собственным глазам, за льдинками стекол еще кто-то сидел. Он зашел со стороны радиатора и увидел, что сидящий придавлен к ветровому стеклу и в стекло бьются пряди дыма. Он зашел с другой стороны, где окно было чуть спущено, взгляделся и увидел, что мотор вломило в кабину, на ноги водителю, а руки свесились, одна — через руль.

Он обошел вокруг машины. Идти было трудно. Он покачал головой, оглянулся и пустился бегом наискосок по полю, задыхаясь, хватаясь за сердце, к своему автомобилю, мгновенно завел мотор и погнал по шоссе, вперед, с километр примерно, туда, где был двор. Вот досада, что нет радиотелефона. Он свернул во двор, где хозяин как раз впрягал трактор в воз, остановился и легко, как перышко, спрыгнул с подножки.

— Зачем так рано пожаловал? — крикнул хозяин, подъезжая к нему на тракторе.

Грегор молчал, глядя на него так, что тот осекся и остановил трактор.

— Мне нужно позвонить, — сказал наконец Грегор, — там недалеко машина разбилась.

Крестьянин вылез из трактора, пошел к дому, застучал сапогами по ступеням.

— Пошли, — сказал он и оглянулся на Грегора, — ну давай, пошли, — сказал он и поглядел на свои сапоги.

Жена на кухне стояла над стиркой. Вокруг летали хлопья пара.

— Несчастный случай, — сказал муж, — вот ему надо позвонить.

Она кивнула Грегору, тот кивнул в ответ.

— То-то я гляжу, — сказала она, — так с полчаса будет, малыш заплакал. Они все чувствуют.

Муж показал Грегору на телефон.

— Вот он, набери три нуля и все.

Грегор снял трубку и ждал гудка.

— Ну что там? — спросил крестьянин. — Может, я сам?

Грегор затряс головой. Уже гудело. Он трижды набрал ноль, в трубке затрепало и зашуршало, потом откликнулся голос дежурного.

— Да, — сказал Грегор, — на восемьдесят пятом километре от города. Человек разбился. Дело вроде дрянь. Выезжайте немедленно.

Дежурный задавал вопросы.

Крестьянин следил за лицом Грегора. Жена вытерла стол и повесила тряпку на место.

— Не знаю, — говорил Грегор, — не разглядел. Кажется, никуда, совсем никуда. Выезжайте немедленно.

Дежурный еще что-то сказал.

— Я дождусь, — сказал Грегор. — Я вас дождусь.

Он положил трубку.

— Ладно, платить не надо, — сказал хозяин. Грегор посмотрел в лицо хозяйки, в маленькие глазки за очками.

— Сейчас приедут, — сказал он.

Он прошел к дверям. Хозяин следом.

— Привез бы сперва свеклу, — сказала хозяйка мужу.

Грегор, выезжая со двора, из-за руля помахал им. Крестьянин уже стоял на подножке трактора.

Грегор вернулся к месту аварии и там остановился, не разворачиваясь. Он подошел к дереву и встал с неповрежденной стороны, немного отступя к середине шоссе, чтоб из санитарной его верней заметили и затормозили. Он заложил было руки за спину, потом сложил на животе и наконец свесил вдоль тела. Он не мог решить, что делать с руками. Держать их в карманах стало неловко.

Все же он снова заложил их за спину и для устойчивости сделал шаг назад левой ногой. Он следил за движением в город и навстречу. Водители обдавали его быстрыми взглядами и проезжали мимо, у всех были свои дела. Он напряг слух, как индеец, чтоб из самого дальнего далека выхватить санитарную сирену. Много раз он ее слышал, но звук уносился прочь. Были, значит, и еще несчастные случаи, не только тут.

Грегор выдыхал из ноздрей белые флаги. Он это заметил и смутился. Он потерял нос, флаги на миг исчезли, но тотчас, конфузя его, появились вновь сигналами его местопребывания. Он слегка задрал голову — флаги развевались над головой. Они исчезали, но при

каждом выдохе появлялись снова. Он затаил дыхание и едва выпускал воздух из ноздрей.

Но вот что-то слышно, теперь уже точно. Он посмотрел на часы. Двадцать минут, как он позвонил. Сирена выла ослом по ту сторону холмов, вой надвигался, взбирался на гряды, достиг верха, оттуда разошелся веером, нырнул в долину, притих и явно близился. В тумане замигало, засверкало, санитарная машина сбавляла ход, и медленно, сопутствуемая оргией фар и медленным воем, она уже высвобождалась из последних простынь тумана, и Грегор ступил на шоссе и, широко махая, показывал, что надо взять в сторону, и водитель опустил окно и кивнул ему из-под фуражки, не произнося ни слова. Они уже увидели смятый кузов и приготовились.

Грегора ждал.

Двое в длинных халатах спускались с насыпи.

Ему не хотелось на них смотреть. Голоса у них были озабоченные. Вот уже они переговариваются, стоя по разные стороны от разбитой машины. Он услышал, как светлым дождем хлынуло стекло, когда один взялся за ручку кабины. Потом все стихло, они раздумывали, но вот решительный возглас — значит, они знают, что делать.

Водитель опрометью кинулся к санитарной, распахнул заднюю дверцу, вытащил носилки. Постелил еще простыню, отшвырнул одеяло. С легкими носилками он бросился вниз по насыпи. Что-то они там принялись делать. Грегор понял, что они вытаскивают тело. Его передернуло. Он стал смотреть на цистерну с молоком. Грузовик по дороге в Таубен встал рядом с Грегором. Шофер с прилипшей к губе холодной сигаретой вылез на шоссе. Он спросил, что стряслось. Грегор кивнул в сторону насыпи, и тот увидел сам. Он очень тихо задышал у Грегора над ухом, потом вытащил изо рта сигарету и сунул в карман.

— Да, дело дрянь, — сказал он.

Грегора глянул на него, тот был несколько выше и не спускал глаз с санитаров.

Потом он разглядел следы на шоссе, раненый вяз.

— По восемьдесят жал, не меньше, — сказал он.

Те уже идут по полю, шофер уже отступил в сторону. Те боком взбираются на насыпь, чтобы не соскользнуть.

Шофер все водил и водил языком по сухим губам.

Сквозь туман прорвался мотор трактора и вскоре затих под насыпью, с другой стороны. Крестьянин вылез и осторожно перешел через дорогу, держа правую руку в кармане.

Санитары бережно вдвигали носилки.

Грегор решил дожидаться полицейских.

Крестьянин стоял рядом, отвернувшись от него.

Он переводил взгляд с санитарной к разбитому кузову на поле, потом сказал:

— И как его оттуда выковыряли?

Шофер побрел к своему грузовику.

— Он еще жив, — вдруг сказал Грегор.

— Да ну! — удивился крестьянин, спустился с насыпи и осмотрелся.

Санитарная машина уже буравила туман, а навстречу ей выла другая сирена, полицейская. Сирены столкнулись в тумане, и вот уже полицейские тут. Грегор помахал, они затормозили. Застучали дверцы. Они подбежали к нему, выпавшиеся, свежие, с бумагой, сантиметром, фотоаппаратом — все наготове. Окинув взглядом общую картину, стали ощупывать рану в коре. Крестьянин, разглядывавший руль сквозь выломанную дверцу, отпрянул от кузова. Он подошел к Грегору.

— Дело дрянь, — сказал он.

Грегор длинно вздохнул.

— Ну, я поехал, — сказал он, — и так уж небось думают, что я разбился.

Он медленно прошел вдоль обочины, залез в кабину, вдруг увидел в зеркале свои глаза и медленно развернулся. Было уже полдневному светло.

Глава 3 ПУСТОТЫ

Лео Грей, проведя счастливые сутки в Таубене, едет домой, но вдруг решает вернуться к счастью. На пути к Таубену он разбивает машину, разбивается сам, и существование его продолжается лишь постольку, поскольку другие тревожатся и волнуются о нем. В первую очередь это Эрна, которая его ждет, и Роза, ко-

торую известили первой; но и в других теплится его жизнь.

Санитарная машина целеустремленно мчала Лео Грея в белых простынях к родному городу. Скорость была чуть ниже максимальной из-за особенностей погоды и груза. Шофер и санитар не переговаривались, и оба чутко следили за узким пространством, взрываемым ревом сирены. Уже издали дети и куры кидались врассыпную, а кошки и собаки застывали в изумлении; всюду, где пролетала санитарная, замирала деятельность, заправщики на бензоколонках роняли из рук насосы; продавцы таращили глаза над прилавками, покупатели оглядывались на двери. Пожилая дама, зажав уши, повернулась спиной к шоссе.

Они ворвались в пригород и начали вызванивать по радио-телефону госпиталь. Утреннее движение было рассеянно и нервно, грузовики ни с того ни с сего вставали поперек дороги, приводя в отчаяние шоферов и доводя сирену до исступления. Наконец они помчали по аллее, чья каучуковая тишь нарушалась лишь вспархиванием вспугнутых сорок, и, не сбавляя скорости, мгновенно одолели расстояние от главного входа до хирургического отделения, где с журналом и карандашом наготове уже стояла сестра, чтоб с самого начала все было в порядке.

Покуда хирургическое искусство готовилось отдать свои силы спасению потерпевшего, Эрн ждала его в Таубене.

В половине десятого она встала и приняла ванну, и, пока проветривала комнату, пела. Она взбила подушки, снова пригладила, собрала седые волоски Лео. Потом она сдула волоски и села в постели поближе к изголовью, подоткнув под себя одеяло. Какая большая комната... Она приподняла волосы, снова уронила на шею и на лицо, выбрала одну прядь и расправила у себя на груди. Она положила голову на колени, повертела головой и увидела все картины на стенах и себя в большом зеркале над диваном. Там они увидели друг друга, проснувшись среди ночи. Большой пошлый портрет — так они дружно решили.

Она взяла Библию с ночного столика и полистала хрустящие страницы, заглянула в Книги пророков, в

Апокалипсис, решила почитать Псалтырь, но наткнулась на притчу о зарытом в землю таланте и прочла до конца. Когда Лео приедет, она прочтет это ему вслух.

Она тихонько выбралась из постели, побродила по комнате, нехотя глянула на часы и удостоверилась, что условленное время давно прошло. Она села на край постели, пальцами ног приподняла коврик, снова опустила. Она встала, поправила косо висящую картину, хотела было поправить и остальные, но передумала. Вместо этого она поправила скатерть, которую задела и чуть не сдернула на пол, когда вечером вешала на спинку стула свои вещи. Она начала одеваться, она причесалась. Она застегнула две нижние пуговики на блузке и позвонила в холл узнать, не справлялись ли о ней. Нет, никто о ней не справлялся. Она спросила, который час, и убедилась, что часы у нее правильные. Он уже на час опаздывает. Она застегнула блузку, надела юбку и туфли. Она отдернула портьеру и принялась смотреть на улицу.

Одна за другой заворачивали сюда машины, издали очень похожие на машину Лео, но вблизи оказывались не те. Две или три были почти в точности такие же, до того, что она чуть не вскрикнула от радости. Но они промчались мимо, она даже не успела разглядеть, кто за рулем. Чье-то бдительное око уставилось в нее с тротуара, а в доме напротив у окна стоял господин с сигарой и тоже смотрел на нее, но, поймав ее взгляд, тотчас ретировался во мрак комнаты.

У окна стоять нечего. Она его закрыла. Она села, сложила руки.

— Господи, — спросила она. — Что же случилось, Лео? — Она спросила это вслух. Да, что-то случилось. Теперь уж ясно. Это стало ей ясно уже четверть часа назад, сейчас она себе призналась.

Она собрала вещи, положила в папку. Она натянула покрывало на неубранную постель и погасила ночник. Потом села к столу, вынула из папки гостиничных письменных принадлежностей бумагу и конверт и написала Лео письмо:

«Милый Лео, что-то, конечно, случилось, а я ничего пока не знаю, я так боюсь, но неважно, лишь бы не что-нибудь серьезное. Да, вот еще. Может, даже хоро-

шо, что ты не приехал. Сама не знаю. Но счастье — такая трудная штука, и у нас с тобою столько дел. Сообщи мне поскорей, что произошло. Пока я не узнаю, что с тобой, я ни о чем больше не могу думать. Твоя...»

Она положила письмо в конверт и нашла в справочнике рабочий адрес Лео. Так что можно сразу послать.

Она сняла трубку и позвонила в аварийную службу узнать, не поступали ли сведения о машине такой-то марки и о человеке по имени Лео Грей. У нее с ним назначена встреча. Нет, такую справку они дать не могут. На их участке много происшествий. Пусть она попробует навести справки на других пунктах. Или позвонит в дорожную полицию. Она позвонила в дорожную полицию, назвалась и задала тот же вопрос, и ей словоохотливо ответили, что им ничего не известно, да и вообще по телефону не говорят о таких случаях, знаете, мало ли что и вообще, но, видимо, что-то могут знать полицейские другого района. Эрна положила трубку и встала.

Она медленно спустилась вниз, останавливаясь на каждом этаже, и в холле справилась, сколько она должна за номер. Коридорная подарила ее внимательным взглядом. Эрне объяснили, что по счету уплачено. Она ушла. Она покорила вращению двери, та вымела ее на улицу, и на улице Эрна тотчас достала из кармана свое письмо, разорвала в клочки и выбросила в урну.

Она села в машину и вывела ее на шоссе, где мог показаться Лео. Она ехала медленно. Все, попадавшееся на пути, вспугивало ее, и она медлила перед каждым дорожным знаком. Медленно проехала она километров двадцать, потом завернула на стоянку и там пересела на сиденье сбоку от руля. Она не была суеверна, но заговорила с Лео, не спуская настороженных глаз с дороги, где он еще мог показаться.

Она проехала несколько километров до другой стоянки и опять подождала. Она тряслась от холода, у нее начался насморк, она ходила вокруг машины, сунув руки в карманы пальто, а время шло, оно вдруг пошло быстрее, быстрее, сгорало, как бумага, исчезало, исчезло и стало темнеть, и тут она поняла наконец, что никто не появится, никого не будет, ни даже грузовика, который показал бы ей дорогу в какую-нибудь мастерскую, где бы можно навести справки.

Она вернулась в город, из автоматной будки позвонила к нему в контору, но нет, там его не было. Он прислал телеграмму, что не придет, очевидно, болен.

Она стояла перед светлым окном цветочного магазина и разглядывала цветы. Она поймала себя на том, что выбирает, какие бы послать. Тогда она взяла себя в руки.

Она заторопилась к машине, повернула домой и уже прикидывала в уме, какие ей на днях предстоит заседания. Завтра она опять позвонит Лео.

«Таубен окружен густыми лесами» — говорится в справочниках. Она ехала домой бесконечными лесами, отсчитывая каждое дерево.

Тем временем над Лео Греем поработали специалисты и водворили его в отдельную палату, обвязав бандажами и ремнями для связи со сложной аппаратурой.

Оперировавшие его врачи выпили кофе, прочли газеты, и те из них, кто не дежурил, отправились домой предаться отдыху или хобби.

Одежду, снятую с Лео перед операцией, отдали в стирку, предварительно осмотрев все карманы в поисках бумаг. Найти удалось лишь карточку к зубному врачу. Разумеется, они уже прежде записали номер машины как последнее средство опознать пациента. Теперь можно было осторожно действовать через зубного врача. После обеда секретарша позвонила к Розе в клинику и спросила, нельзя ли выяснить, какой больной назначен на сегодня к половине четвертого. Сестра замялась и попросила обождать.

Роза пломбировала канал. Она затрясла головой и сказала, что позвонит через пять минут. Она не поняла в чем дело.

— Что такое? — спросила она, домучавшись с пациентом.

— Звонили из больницы узнать, кто назначен на половину четвертого. Его положили. И никак не могут выяснить фамилию.

Роза выглянула в окно. Желто зажглись фонари. Старуха в окне напротив опять смотрит на улицу.

Роза подошла к календарю, повела пальцем к 15.30. Она закрыла календарь, посмотрела себе на ноги.

— Не может быть, — сказала она.

Сестра со звоном перебирала инструменты.

— Вы все же позвоните, — сказала она. — Они ждут.

Разговор повторился.

— Что вы хотели узнать? — спросила Роза секретаршу.

Секретарша все объяснила Розе.

— Это Лео, — сказала Роза. — Лео Грей.

Когда он родился, она не помнила, но назвала домашний адрес и контору.

— Это опасно? — спросила она.

— Таких справок мы не даем, — сказала секретарша. — Больного оперировали, больной лежит в отдельной палате. Я должна позвонить близким.

Роза секунду помешкала:

— Я не знаю, где они. Жена уехала. Отдыхать. Сын учится. Я не знаю, где он живет.

— Мы оповестим супругу через полицию. Мне велено сообщить ей или родным.

— Значит, это опасно, — сказала Роза.

— Я таких справок не даю, — сказала секретарша. — Вы поговорите с врачами, я могу соединить с отделением. Только, может, врачи уже ушли.

— Понимаю, — сказала Роза. — Спасибо.

— Это вам спасибо, — сказала секретарша, — вы нам так помогли.

— Да, — сказала Роза.

Сестра стояла к ней спиной у окна, глядя вверх на чердак, где молодой человек улыбался ей и корчил рожи. Она подалась набок, сложила руки на животе и с трудом приняла серьезный вид, оборачиваясь к Розе.

— Надо идти, — сказала Роза. — Складывайте все. Мы уходим. Прием окончен.

Она вешала халат, умывалась, надевала платье, пока сестра выключала свет в приемной и в коридоре. Сунув голову в дверь, она бросила ей «до свидания» и бросилась вон. Только бы не упасть с лестницы.

У Розы перед глазами стоял Лео. Не прошло и полутора суток, как она его видела; она застыла, ужаленная воспоминанием. Она позвонила в инвалидный дом и попросила, чтоб они не сердились, что она задержится и придет за дочерью попозже, ей надо в больницу. Случилось несчастье.

Она поехала в больницу. В проходной ее пропустили. Она прошла асфальтовым двором, мимо старых фонарей и вверх по ступенькам в отделение нейрохирургии. Цветы уже вынесли на коридорные подоконники. Готовились к ночи. Нянечки возили каталки, и сестры в мягких туфлях или белоносых деревянных сандалиях носили из одной палаты в другую склянки, таблетки, шприцы и рецепты.

Роза прошла к кабинету старшей сестры. Та с кем-то разговаривала. Роза стала у двери. Она оперлась о стену и уперла взгляд в потолок.

Дежурный врач, спешивший по коридору, тронутый ее красотой и позой, осторожно к ней обратился: — Не могу ли я вам помочь?

Его тонкая улыбка смутила ее.

— Мне просто надо поговорить со старшей сестрой, — сказала Роза.

Врач заглянул в кабинет.

— Тут вас ждут, хотят с вами поговорить, — сказал он и подбадривающе кивнул Розе.

Старшая сестра освободилась и вышла.

— Что у вас такое? — спросила она.

— Я насчет Лео Грея, — сказал Роза.

— А вы ему кто? Вы жена?

— Я его зубной врач и близкий друг, — сказала Роза.

Старшая сестра смерила ее взглядом.

— Сейчас мы ничего не можем сказать, — сказала она. — Никто ничего не может сказать.

— Это опасно? — спросила Роза.

Старшая сестра поджала губы, оглянулась, снова посмотрела на Розу — дружелюбный голубой взгляд.

— Я ничего не могу сказать. — И она сняла очки и сунула их в карман. Она сложила руки под грудью и всматривалась в Розу.

— Повимаю, — сказала Роза и собралась уходить.

— Да, это все, что я могу вам сказать, — сказала старшая сестра и посмотрела на нее.

Роза отступила на шаг. Старшая сестра легонько потрепала ее за локоть и покачала головой. Потом снова надела очки и шагнула навстречу санитарам, которые везли скрытого под бинтами больного. Сзади шла сестра с журналом.

Роза пропустила их, кивнула на прощание старшей сестре и бросилась к выходу.

Она остановилась посреди двора и заговорила сама с собой, на нее оборачивались.

— Это опасно, — говорила она. — Это опасно. Как же так?

— Поговорили? — улыбнулся ей врач. Они столкнулись в проходной.

Она покачала головой.

— Я ничего не знаю, — сказал он. — Будем надеяться, что все обойдется. — Он смотрел на нее виновато.

Она кивнула.

Она немного посидела в машине, прежде чем ехать.

— Что же делать?.. — сказала она вслух.

В проходной привратник и помощник привратника заполняли табличку спортивного тотализатора. Привратник, управившись первым, сел у окна; он читал газету и краем глаза оглядывал проходящих, оценивал, прикидывал, кое-кого останавливал.

— В ближайшие сутки не ожидается изменений погоды, — говорил он, — давление по-прежнему низкое, видимость все ухудшается, на дорогах заторы.

Помощник ставил последние крестики и кивал у него за спиной.

— Сегодня двадцать два несчастных случая, двадцать два вызова, — сказал он.

Привратник встал, подошел к крану, налил стакан воды. Он полоскал горло и говорил:

— Никто не умирает, вот что странно. Не упомяну, чтоб так мало умирали.

— Никогда так много не болели, — сказал помощник.

— Знаю, — сказал привратник. — Но никто не умирает. Шофер похоронного бюро мне говорил, дела у них никуда. Половину сотрудников крематория послали в отпуск.

Он еще полистал газету.

— Объявлений о смерти почти что нет. Только свадьбы да конфирмации.

— Вот обожди до весны. Веспой все мрут как мухи, — сказал помощник. — Зиму продержатся, а как солнце и тепло — так все. Соки поднимаются и удушат.

Привратник открыл окошко и окликнул проходящего, тот нагнулся и объяснил, по какому он делу.

— Наша обязанность — соблюдать порядок, — объяснил ему в ответ привратник.

— Ну, скоро угомонятся, — сказал он помощнику и посмотрел на просвечивающие за вязью веток окна. — В отдельных уже гасят, где тяжелые лежат. Скоро угомонятся. Только где сами платят, там еще горит. Там даже курят они.

— А ты лежал в больнице? — спросил помощник. — Я вот лежал с коленной чашечкой. Это несерьезное. Зато интересно, как от наркоза проваливаешься, а потом просыпаешься.

Вдруг ударил телефон, и привратник успел снять трубку прежде помощника.

— В чем дело? — спросил он. — Больной? Ничего не знаем, нам ничего не говорят... Лео Грей, говорите? Несчастный случай? Хотите узнать?.. Как же, мы б с удовольствием, но мы ничего не знаем, а контора закрыта... Пробовали? Значит, вы сами знаете... Нет, никак невозможно, мы не имеем права уходить с поста... Конечно, все не так, как хочется... Я б с удовольствием... Да, я вам советую. Больше делать нечего...

— Женщина, — сказал он, положив трубку. — Звонят и звонят. Раньше всегда об одном пациенте одна справлялась, а теперь звонят и звонят, ну и, ясно, никогда не назовутся.

— Да, как зовут этого, которого положили? — спросил помощник.

— Грей, Лео, кажется, — сказал привратник. — Ты что, слышал?

— Вроде слышал, — сказал помощник. — Он по социальному обеспечению, престарелых обследует, а у меня там мать. Я про него ничего не знаю, во всяком случае ничего плохого. Говорят, дельный.

— А я вот никого их не знаю, кого сейчас положили, — сказал привратник и потянулся.

— Так ведь я только Лео Грея, — сказал помощник. — Да и не знаю я его совсем.

— Собственную жену положат — и то не узнаешь, — сказал привратник, — только когда домой придешь.

— А телефона у тебя нет? — спросил помощник.

Привратник покачал головой, потом кивнул собственному слабому отражению в темном стекле.

— А ну их, эти телефоны.

Совсем рядом взвыла сирена.

— Опять, — сказал привратник и натянул свитер. Он зажег еще две лампочки над дверью и вышел. Санитар легонько поднял руку, когда машина въезжала в ворота. Сестра стояла на лестнице с фонариком и показывала дорогу. Под мышкой у нее был журнал. Все плотней надвигалась ночь.

Глава 4

А В ТО ЖЕ ВРЕМЯ...

Роза Хасслер, жена инженера Конни, — зубной врач и друг пострадавшего Лео Грея. Она одной из последних говорила с Греем, перед тем как ему пуститься в роковую поездку, и первой из его близкого окружения узнала о несчастье. Роза, думая о себе, никогда не называла себя Розой. Другие так называли ее.

— Роза, — сказал ей Лео позавчера, после того как она покончила с трудным зубом, — взяла бы ты себе любовника.

Вглядевшись в его лицо, она отраженно поняла, что по ее глазам он тотчас почувствовал неуместность своей шутки.

Она кивнула, подчеркивая нелепость сказанного. Она быстро глянула в окно — взмах ресниц на узкое, затуманенное пространство, на влажный кирпич и трубы, а он, она заметила, в эту секунду вглядывался в нее, сию же живее проникнуться ее печалью.

Ей пришлось ему улыбнуться.

— Ну тебя, — сказала она.

— Ладно, Роза. Ты такая редкость, что тебя надо коллекционировать, — сказал он, и обнял ее, и споткнулся об ее левую мягкую туфлю. (Ей пришлось потерять ногу, когда он ушел.) Сам себя пародировав, он качнулся, ударился о стену, задел выключатель, так что они оба вдруг вычертились в сумраке полудня двумя силуэтами, и оба смутились, особенно он, но потом они расхохотались, и он вышел, пятясь, подняв в приветствии руку.

Когда-то он рассказывал ей, что однажды две недели не мыл рук, после того как девушка, которую он подвез как-то утром, вдруг поцеловала ему руку.

— Лео, — говорит Роза вслух. Она уже выехала из больничного двора и едет за Альвой. — Лео.

Она загадывает по светофорам. Если, когда она будет подъезжать на желтый, зажжется зеленый свет, значит, с Лео все обойдется.

Он так замечательно плавал. Она вспомнила, как она, Конни, Маргарита и Лео ездили купаться. Белые пятна песка пробивались в гуще водорослей на дне, а они доплывали до сетей и висели там на столбиках парочками или по одиночке. Им с Лео обычно ничего не стоило расхотаться.

Время полетело и забилося. Его почти не осталось. Часы на перекрестках придирчиво всматриваются в каждую мелочь.

Всюду народ спешит по домам, насколько позволяет сутолока. Лица в машинах, белые, как салфетки, или облитые желтым светом, лица на переходах, тенями под шляпами. Все как переодетые мясники. Добрых четыреста пятьдесят тысяч душ, и ни у кого ни мысли о Лео. Уму непостижимо.

И еще эта сырость, забирающаяся в туфли даже в машине. Она тормозит, и ее обгоняет такси.

Она переходит на вторую скорость, и все бежит, мелькает, как под конец фильма.

— Может, придем вместе, может, я один, — сказал он тогда вечером, когда она позвонила и пригласила его обедать, потому что к ним вдруг собрался отец и попросил, чтоб кого-нибудь еще позвали.

Он запнулся, это редко бывало.

— Маргарита купила машину, — сказал он. — Глупо, в такое время года. Вдвое скорей износится. Я, правда, в этом мало что смыслю, но все же. Она едет отдохнуть. Вот учись, Роза.

Что-то произошло. Он злился, она заметила, но не в этом дело, дело в том, что он вовсе не старался это скрыть.

— Ничего, ты еще тоже узнаешь, что такое любовь, — сказала она ему. Позволила себе сказать.

— Была бы любовь, — сказал он.

— Да, может, тебе это и не нужно, — сказала она, сама не зная зачем.

— Это не такая уж распространенная штука, — ответил он жалобно.

— О, не зарекайся.

— Разве что вот у нас с тобой, — вдруг захохотал он.

Кончилось привычными объяснениями в любви. Каждый помогал другому выбраться из пропасти, куда сам же его толкнул.

Вот уже и инвалидный центр, на подступах к лесу, за высокими дубами, заполонившими все небо над низкими флигельками, заборчиками и террасками. Она не сразу выпутывается из неразберихи асфальтовых тропок.

Она подъезжает к главному подъезду, распахивает дверцы машины и входит в автоматически раздвигающуюся и замыкающуюся за нею главную дверь. Тотчас ей навстречу мелькает знакомая коляска, и сияет личико, и Альва спешит к ней мимо объявлений, газет и маойстских, хошминовских и чегеваровских плакатов.

Позавчера днем в глазах у Лео были буравчики, а вечером у него дрожал голос, но потом, позже, он совсем оправился.

— Ты мне как сестра, — сказал он ей.

Ей стало обидно, но она только запустила в него мотком шерсти.

Чем и подтвердила его слова, как она тотчас образила.

— Мама, — говорит Альва у нее под боком, обдавая ее возбуждением своих ореховых глаз.

— Прости, я так поздно, — говорит Роза.

— Я уж думала, сегодня папа приедет, — говорит Альва, гадая по лицу Розы, что случилось.

— Я ведь почти всегда сама за тобой приезжаю, — говорит Роза. И сама удивляется, зачем было это подчеркивать.

Альва улыбается, но по улыбке видно, что она заметила состояние Розы.

Она поднимает Альву из коляски и несет в машину. Обычно, когда она ее носит, они не разговаривают. Она относит в машину ранец. Она ставит коляску в блистающий по дальней стене вестибюля ряд.

Они едут.

В темноту машины заглядывает туман, прореженный серым чужим светом. Каждая, провалившись в одиночество, ждет, чтобы заговорила другая. Розе не хочется начинать разговор о Лео.

— Папа поехал в Таубен, — говорит она.

— Он сегодня вернется? — спрашивает Альва.

— Я не знаю его планов, он мне не говорил, — говорит она. Альва озирается по сторонам.

— Не надо ему возвращаться в такую погоду, — говорит она. Она смотрит на мать. — Что случилось? — спрашивает она и кладет руку на плечо матери.

— Лео разбился сегодня утром, он в больнице. С ним совсем плохо, Альва. Наверное, никакой надежды. Такое нельзя говорить, но я чувствую. Они ничего не говорят.

Рука Альвы вдруг больно вдавилась в плечо. Она убирает руку.

— Лео позавчера обещал покатать меня, — говорит она. — Он, конечно, сдержал бы слово.

Они тормозят у поворота, пережидая желтый свет.

— Не понимаю, почему папа не любит Лео, — говорит Альва.

Роза не отвечает, она осторожно поворачивает налево.

— Может, он несерьезный, — говорит Альва.

Их на большой скорости обгоняет машина.

— Он ведь не в гражданской обороне, нет? — спрашивает Альва.

— Нет, — говорит Роза, — он когда-то был, давно.

— А у папы поэтому револьвер в нижнем ящике стола, да? — спрашивает Альва.

— Нет, — говорит Роза. — Этот у него еще с войны.

— А сам Лео понимает? — спрашивает Альва.

— Наверное, нет, — говорит Роза, — наверное, он сейчас вообще ничего не понимает.

Обе молчат.

— Знаешь, — говорит Альва, уже в проулке, — в зиме лучше всего, что видно птичьи гнезда на ветках.

Роза кивает.

— И еще слышно, как идет лето, — говорит Альва, — издали-издали.

Роза подъезжает к гаражу.

— Сейчас супу нам сварю, — говорит она.

Потом, на кухне, Роза вдруг снова остается совсем одна. Альву она посадила в кабинете Конни, и та слушает, как по-разному звенит стакан, до разного уровня наполняемый водой. То же было два дня назад, когда Конни впервые за много месяцев заехал за Альвой, не предупредив, так что она зря прокатилась до инвалидного дома и потеряла кучу времени. И вдобавок разодрала чулок о кусты возле входа. Когда она заглянула к ним в кабинет, Конни отлично выглядел, что теперь редко с ним случалось. Они с Альвой были пристально заняты своими опытами. Он довольно мирно воспринял известие о том, что придут тесть и Лео, хотя не любил обоих. Она заметила, что настала та редкая минута, возделенная минута, когда, забыв все, что было, можно безоглядно уступить приманке настоящего и будущего. Но ей так и не удалось одолеть тоску многих утр, когда, еще не отряхнув сна, она дотрагивалась до его плеча, до спины и убирала руку, не дождавшись отклика.

Конни сказал тогда, что ему скоро надо идти, у него деловое свидание, ему ужасно жаль. Так трудно было сдержаться, промолчать, не спросить, отчего это он вдруг стал так мил и сердечен. Конечно, он построил карточный домик, и ее к нему не подпускает. Ей было обидно.

Она слышала, как он сказал Альве, что в воскресенье они все вместе пойдут в музей. Ей это было ни к чему, лучше поваляться в постели. Она засуетилась, стала менять воду в цветах, открыла кран до отказа, вода зафыркала, забрызгала пол, ей вздумалось петь, и она запела очень громко, но тотчас осеклась и нацелилась водяной струей в кухонную люстру.

Все было куда как идиллично — только не для нее. Конни развлекал отца, был сама любезность, водил его по квартире, демонстрировал всю их технику, так что под конец она даже крикнула, чтоб они проверили электрическую машинку для подстрижки живых изгородей.

Она еще не успела перевести дух, как пришел Лео, и она первая бросилась к двери, распахнула дверь, и он стоял на пороге с коробкой шоколада, она бросилась ему на шею, он даже застонал, и потащила на кухню — выпить, прежде чем вводить его в очередное обсуждение

погоды. За обедом обсуждали собак. В новых кварталах так много собак.

Она не любила собак. Лео не любил собак. У Конни, у отца и у Альвы оказалась у каждого любимая порода собак.

Конни ушел сразу, как пообедали, просияв непостижимо нежной улыбкой и чмокнув в щеку Альву, которая при этом уподобилась рекламе зубной пасты. Отец ушел в девять, и она уложила Альву, а Лео пристроился рядом и развлекал девочку, пока Роза мыла посуду,

— Конни сегодня хорошо выглядел, — сказал Лео уже в гостиной, пока Альва выкрикивала через всю квартиру «спокойной ночи».

— Мне тошно, что я не сумела тут же к нему подладиться. Надо это уметь.

— Да, тебе надо подыгрывать Конни в его новой игре. Не думай, что это на несколько дней. Погоди, еще он сам будет тебе подыгрывать. Дай ему только освоиться. Пусть поймет, что никто не собирается держать его на поводке.

Лео улыбнулся и покачал головой.

— Всегда настает день, когда один видит, что его карта бита, но вскоре то же замечает и другой.

Розе пришлось в голову проводить его, когда, немного погодя, он собрался домой.

— Как? — озабоченно спросил Лео. — А как же Альва?

— Она спит, — сказала она.

Она очень осторожно прикрыла за собой дверь, не захлопнув. Красть у них особенно нечего.

— Это не Конни там? — спросил Лео, когда точно такая, как у Конни, машина шмыгнула мимо них в тумане.

Она пропустила это мимо ушей.

А потом оказалось, что Лео забыл ключ.

Лео снял пальто, плотно свернул, запустил им в окно кладовой, а сам согнулся вдвое и велел ей встать ему на спину и забраться в окно. Она сбросила туфли и стояла у него на спине в ожидании точных инструкций. Дотянуться до окна оказалось нетрудно, только вот Лео стонал внизу; но она разодрала второй чулок и в нерешительности медлила перед узким квадратом, в который ей предстояло протиснуться. Она уцепилась

за крюк гардинного карниза, подергала, чтоб проверить, выдержит ли, а второй опорой высмотрела полку и уже втянула в окно одну ногу, но вторую некуда было деть, чего не учел Лео, впахнувший эту ногу в окно, и Роза поняла, что вот-вот свободно воспарит среди густых запахов лука и яблок.

Перед последним, решающим пинком Лео она успела ему прокричать, что они не так взялись за дело, а затем предприняла отчаянную попытку уцепиться подошвами за оштукатуренную стену над полкой. Разодрался третий за день чулок и она вдруг достала ногой до второй полки, которая с грохотом полетела на пол, а за нею коробка овсянки, стиральный порошок и наконец сама Роза.

— Что там с тобой? — крикнул Лео.

Но почему он второй раз не крикнул?

— У меня в чулки овсянка набилась, кажется, это овсянка, — крикнула она. — Надо вытряхнуть.

— У Маргариты запасы, — крикнул он и объяснил ей, как найти выключатель.

Она его нашла и зажгла свет, но тут же ей непостижимо захотелось погасить его, пристроиться у стены и полминутки помолчать.

— Что с тобой, Роза? — крикнул он под окном. Это прозвучало очень заботливо.

— Я всего-навсего поняла, Лео, что не впуска тебя и все, — сказала она. Вот, если б давным-давно она ему это сказала.

Он прыснул. Ей стало весело, и она собрала пригоршню овсянки и швырнула за окно. На каждом зернышке запечатлелся привет. Милый Лео. Милый Лео. Милый Лео. А с другого бока: твоя Роза. Она скользила из комнаты в комнату и таким образом изучила весь дом, и в каждой комнате она отворяла окошко и кричала Лео «ку-ку», и ему пришлось обогнуть дом, и он уже заметно злился, когда она ему отперла. Хорошо, что он не безупречен. Потом они сидели, болтали, он сыпал улыбками и парадоксами, а она чувствовала, что она идиотка и совсем его не знает. Но лучше бы она так и уснула под его разговоры о всеобщей зависимости людей и о том, что человек чего-то стоит не сам по себе, а лишь постольку, поскольку он нужен другим (очень убедительно, но вранье, вранье), и не ставил бы он этих

дурацких пластинок с южноамериканской народной музыкой, от которых она разревелась.

Зачем охотнику травить оленя, если он не собирается в него стрелять?

Ее привело в чувство его пение, он пел на кухне, нарезая ржаной хлеб и жаря глазунью. Был час ночи, и они еще до одурения трепались о прошлом, в особенности о поездках на пляж, и она снова немного напилась и так разобиделась, когда он назвал ее сестрой, что заперлась в ванной комнате и приняла ванну.

Никогда с ней не творилось ничего подобного. Когда она вышла из ванной, он уже лег. Дверь в комнату Маргариты была открыта, на столике у постели горела настольная лампа и лежал дамский журнал. Совершеннейшие похороны.

Она пошла в чулан, где все препараты для чистки и мойки и все туфли выстроились на полке над печкой, что было не слишком остроумно. Тут стояла скамеечка очень уютного вида. Роза села на нее и принялась за туфли, за весь ряд, Маргаритины в том числе, и все время она насвистывала «Королева Дагмар при смерти лежит», так как это подходило к случаю и не могло потревожить ночного сна Лео.

В четыре часа она отряхнула пыль с платья. Дело было сделано. Уходя, она довольно громко хлопнула дверью.

Дома она ничуть не старалась производить поменьше шума. Она бросилась к Альве и положила руку ей на лоб, сияющий в розовом круге ночника. Та заворочалась под рукой и сказала:

— Мистер Ливингстон.

(И о чем этот ребенок думает?)

Она разделась в ванной, и надела чистую ночную рубашку, и вошла в спальню, и скользнула под одеяло. Она полежала, вглядываясь в черноту, прошитую светлыми дрожащими нитями, и осторожно прикоснулась к затылку Ковни, и сказала ему так, что, если бы захотел, он бы услышал, что вот она пришла.

Но он лежал лицом в подушку и ничего не слышал. Больше она Лео не видела.

Мальчик на пакете с овсянкой все бежит и бежит в давнюю-давнюю вечность. Добежит ли?

Как и все утра этим февралем, то долгое, черное, когда она сама с собой разговаривала, кончилось тем, что свет из соседской ванной изо всех сил ударил по изголовью и, значит, пора было вставать.

Конни стоял в ванной, а она туда вошла в цветастом халате, которого он не любил. Она сказала:

— Давно ты так рано не подымался.

Она увидела, что он порезался, но он ничего не ответил. Полотенце сорвалось с крючка на двери, к которой она прислонилась.

— Я поздно пришла, — сказала она.

Он не взглянул на нее, он только мычал, брея подбородок.

Она смотрела на него, и, когда он начал вытираться салфеткой, она взяла его свободную руку и прижала к груди.

— Ты сердишься, — сказала она. — Я виновата.

— Ничуть, — сказал он.

Конни глянул на нее сверху вниз, а она зацепила пальцами волосок у его левого соска, и принялась крутить его, и молчала. Она не слышала его дыхания, но она почувствовала на себе свинцово-тяжелый взгляд.

— А я соскучилась, — сказала она.

Он высвободился и сказал, убирая на место бритву:

— Хватит с тебя Лео.

Увидев его глаза, она поняла, что сейчас он закричит, метнется через сад, перепрыгнет через калитку, может быть задев за нее ботинком, и не вернется до завтрашнего утра.

И вдруг Альва швырнула стакан об пол, так что он разлетелся вдребезги, и крикнула:

— Зачем терпеть злобу!

Такое у них в последнее время бывало.

Она отпустила его и бросилась к Альве. Та не спала и смотрела в книгу. Она слушала. Где-то, за тысячу километров, была ванная.

Вечером Конни снова пытался вести себя разумно, но она слишком была напугана утрешним. Она с ним простилась почти как с чужим, когда назавтра он оставлял ее, отправляясь на деловое свиданье в Таубен.

Она не знала, вернется ли он к обеду. Он взял с собой пижаму. Он легонько чмокнул ее в щеку перед уходом.

Кто из них каменный?

Он обещал вечером позвонить.

— Мама, — кричит Альва из его кабинета, — послушай-ка! — Роза стоит в дверях и слушает звон. Бедная Маргарита. И еще эта овсянка по всему дому. И еще Марк. Он, конечно, придет домой.

Альва смотрит на мать из кабинета Конни и говорит:

— Лео выздоровеет, мама, он почти совсем выздоровеет.

— Мы ничего, ничего не можем сделать, Альва, — говорит Роза.

— Мы можем надеяться. Как ты думаешь, сам он надеется?

— Нет, Альва, хотя кто знает?

— Как, по-твоему, как бы он нас утешил, если б мог? — спрашивает Альва и несколько раз подряд легонько извлекает из стакана самый верхний тон.

— Сказал бы что-нибудь веселое, — говорит Роза и идет взглянуть на суп.

Альва едет за ней в коляске и говорит:

— Он бы не стал говорить ничего такого вроде: «Больше всего на свете я хочу умереть». Он бы сказал что-нибудь такое доброе. «Вот досада, что потом про это уж никому не расскажешь...»

— Он жив еще, — говорит Роза.

— А сколько это продлится?

— Это может длиться месяцами.

Конни звонит, когда они сидят за супом. Он вполне дружелюбен, домой он не собирается. Когда он вернется? Посмотрим... Нельзя ли ему поговорить с Альвой?

— Конни, — говорит Роза, — я должна тебе сказать. Лео сегодня разбился по дороге домой.

— О, — говорит он. — Это опасно?

— Кажется, хуже не бывает, — говорит она. — Маргариты нет дома. Никто не знает, где она. В больнице ничего не говорят...

Конни перебивает:

— Я утром видел его в мотеле. Ты ведь знаешь, мне за завтраком ничья компания не нужна...

— Конни, — говорит она, — я совершенно убита. Я места себе не нахожу. Пойми.

— Он всегда не очень-то уверенно правил, — говорит Конни, — я всегда боялся с ним ездить.

— Я не знаю, что делать, — говорит Роза, — я даже плакать не могу.

— Такое со всяким может случиться. Рано или поздно, — говорит Конни.

— Конечно, мы все знаем заранее, — говорит Роза. — Но когда уже случится, выходит по-другому.

— Он ведь жив еще, — говорит Конни, — пока человек жив, всегда есть надежда.

— Да, ты прав, — говорит Роза. — Конечно, ты прав.

— А так у меня все в порядке, — говорит он. — Скоро ложусь.

Она смотрит на Альву, кажется, та ничего не заметила.

Альва тянется за трубкой.

Происходит недолгий разговор о стаканах, после чего Роза снова берет трубку, чтобы попрощаться.

— До свидания, — говорит Конни, — и не убивайся. Тут ведь ничего не попишешь.

— Себя же не переделаешь, Конни, — говорит она. — Сам знаешь.

— Да, да, — говорит он.

И вот снова они одни дома. Поздно вечером она еще набирает номер Лео и Маргариты и под изучающим взглядом Альвы долго слушает длинные гудки.

Глава 5

ТОГДА ЖЕ

Лео Грей уже сутки лежит без сознания, потерпев аварию на пути в Таубен (575 000 жителей). Почти никто из его близких не знает о случившемся. Его жена Маргарита отправилась отдохнуть на новой машине. Здесь будет показано, как она проводит время.

Маргарита так бы весь вечер и хохотала, так бы и хохотала, как в ту минуту, когда Франк выпил на себя яйцо, потому что с яйцом в руке засмотрелся на чересчур декольтированную даму, а его толкнули под локоть.

— Не повезло, — сказал тогда Франк.

Она подумала, что даже очень повезло.

Такой большой желток.

Просто загляденье был этот Франк, изучавший пятно на новых брюках.

Она чем-то поперхнулась, закашлялась, она кашляла и смеялась, она смеялась, пока из глаз не брызнули слезы, и она подавилась смехом и заплакала, и все плакала, пока Франк мазал хлеб икрой и бесцветным голосом говорил:

— Да, тебе весело.

А вообще за эти трое суток они не сказали друг другу ни одного недоброго слова. Франк устался на нее над толстыми папками и над своим кофе в первый же вечер, как она оказалась в мотеле, и тут же он подошел к ее столику и предложил пить кофе вместе. Больше в зале не было ни души. Он выказал живой интерес к ее работе.

Она чувствовала к нему полное доверие и, спускаясь по лестнице к номерам, она сказала:

— Франк, мы не дети. Проведем вместе несколько дней. Ты нравишься мне. Я нравлюсь тебе, я надеюсь.

Вот так это все и началось.

Она поставила машину в гараж и поехала с ним. Ему надо было составлять какой-то рапорт об автомобильных кладбищах, смотреть и записывать в нескольких строках как и что. Никаких тебе разговоров, ни встреч, все от себя. На редкость повезло. Она насмотрелась машин, так что на всю жизнь хватит.

Как-то она удрала от него и затаилась в донельзя помятом форде, села и принялась крутить руль, а он пришел, сел рядом, и тогда она поцеловала его так, что он удивился.

— Ну, чего ты? — сказала она ему и повернула руль. Правда, они будто прокатились вдвоем, молча следя в ветровое стекло за дальним поездом, который полз по виадуку... Она с силой, нежно, стиснула его плечо.

Взгляд Франка насторожил ее, взгляд был не очень веселый.

— Думаешь о своих пятерых малютках? — спросила она.

— Нет, — сказал он. — С чего ты взяла?

— Я не собираюсь тебя умыкать, — сказала она, — и вообще я теперь хочу жить сама по себе. Да что об этом толковать.

На побережье они тоже побывали. Даже дюны обратились в стансвище старых машин.

— Ты хочешь бросить мужа? — спросил Франк, глядя на серый, урчащий океан.

— Мы не женаты, — сказала она. — Он считал, что не стоит труда. Мы познакомились в хозяйственном магазине, пятнадцать лет назад, мы проплisли по улице, и я пошла к нему. У него умерла жена. Ну я и осталась. Если что, он всегда говорит: я тебя не просил оставаться.

— Мужчину тоже надо расшевелить, — сказала она Франку.

— Что ты обо мне думаешь? — спросила она в другой раз.

Франк посмотрел на нее. Кожа у нее была влажная, глаза у нее были маленькие, зрачки как иголки, рот у нее подрагивал, и у нее были костлявые руки, крепкие и бережные.

— Можешь не волноваться, — сказал он.

Лучше б ему поцеловать ее в глаза. Она опустила веки и соскользнула вниз по стволу, в жесткую, мокрую траву и села. Она знала, что сейчас он на нее смотрит.

— Встань, Маргарита, — сказал он. — Поднимись.

— Опустись, Франк, — ответила она, не вставая.

И вот он ходит из угла в угол по своему номеру, за стеной, вот он сложил одежду и принялся — она обклад готова побиться — выводить это несчастное пятно.

Он всегда уходит к себе в номер досыпать. Говорить об этом не хочется, но ведь это мелочно.

— Мне надо прийти в себя, Франк, — так бы она ему сказала, загляни он паче чаяния сейчас к ней.

Она вытянулась в постели, подняла руки и положила одну на другую ладони на лоб и вспомнила ту мельницу из сказки, что стоит и мелет на дне морском. Пальцы — это мельница. Она откусила заусеницу, кожа была соленая.

Она подвинулась к стене и прислушалась. Франк лег. Она услышала скрип постели, вот он потягивается, вздыхает блаженно. Нежится, наслаждается одиночеством. Она устроилась в постели, обняв руками ноги, уперев подбородок в колени. Поза, изученная по фильмам. Она видит себя со стороны. Франк, если б захотел, тоже мог бы на нее полюбоваться.

— Да, да, да, — сказала она громко и скользнула под одеяло. — Вот тебе и счет за отпуск и за отдых.

Она почесала правую руку ногтем левой. То же место еще несколько раз принималось чесаться, пока она засыпала.

Тогда-то и кружил дорожный патруль на установленной малой скорости вокруг машины Франка.

Броская нескромность оставленного в стойле голубого автомобиля Маргариты позволила найти хозяйку, и ее удалось оповестить.

«Сколько тут новых домов понастроили» подумает она, проезжая наутро новыми кварталами, где ни за что не согласилась бы поселиться.

Они останавливаются у мотеля. Связываются с центром и получают текст оповещения о разыскиваемом лице.

Один остается в машине, не выключая мотора, второй спрашивает коридорного, и тот подтверждает, что Маргарита здесь. Коридорный провожает полицейского к ее номеру, и тот со служебным рвением стучится в дверь. Они ждут, проникаясь торжественностью минуты. Услышав голос за дверью, полицейский припадает к ней ухом и говорит, что это полиция.

Коридорный и полицейский переглядываются, но при появлении Маргариты уже обращены к ней в фас.

— Прошу прощения, — говорит полицейский.

— Что такое? — спрашивает Маргарита.

— Ваш муж попал в аварию вчера утром на пути в Таубен, — говорит полицейский.

— Вчера утром? — повторяет за ним Маргарита. — Но он поехал в Таубен позавчера, не вчера.

Не напирая на слова, тот разъясняет:

— Несчастный случай произошел вчера утром. Вашего мужа положили в больницу в вашем городе. Желательно, чтоб вы как можно скорей туда явились. Ваш муж в тяжелом состоянии.

Полицейский и коридорный ждут.

Маргарита, ни к кому не обращаясь, говорит:

— Он собирался в Таубен позавчера. Я совершенно точно помню. Да, да, — говорит она и кивает полицейскому. — Благодарю, что известили.

Они уходят. Она прикрывает дверь и стоит, привалясь к ней спиной. Она запрокидывает голову, так что

затылок тихонько стучается о дверь, и глубоко вздыхает. Глаза у нее сейчас больше, чем всегда. Если б кто на нее сейчас взглянул, сказал бы, что зрачки у нее широко распахнуты. Она ходит по комнате, прислоняется то к одной, то к другой кровати, собирает вещи — туфли, чулки, юбки и щетки — и снова роняет. Волосы ее сжали голову тесной сеткой, и ей хочется разорвать эту сетку всю, по волоску.

Она долго сидит одна на замшевом пуфе.

Она складывает вещи, принимает ванну, надевает свой твидовый костюм.

Она звонит коридорному и просит вызвать через десять минут такси, идет к Франку и осторожно проверяет, не забыл ли он запереться, да, так оно и есть, она входит к нему, разглядывает его в темноте, присаживается к нему на кровать, берет лежащую поверх одеяла руку (она отмечает, что это левая) и целует. Как-то она нарисовала на этой самой руке сердце его шариковой ручкой.

Он просыпается, он недоволен.

— Франк, — говорит она, — Франк.

Он поднимается и зажигает свет, у него такое лицо, будто на него напали грабители.

— Франк, — говорит она.

— Зачем разбудила? Чего тебе? — говорит он. — Я спал как каменный, я спал...

Она встает и смотрит на него. Он замечает, что улыбка у нее бледная и прыгающая.

— Ты едешь? — говорит он.

— Лео разбился, — говорит она. — Тут были из полиции. Я сию минуту уезжаю.

Франку хочется что-то сказать — она видит. Он напряженно соображает, но ничего не может понять.

— Я тоже ничего не могу понять, Франк, — говорит она.

Он спускает ноги с постели.

— Я заказала такси, Франк. Ключ от машины у меня, все в порядке, так что ты не беспокойся.

Они смотрят друг на друга.

— Ты, видно, первенец, — говорит она и, протянув руку, гладит его по щеке. — Ты такой изнеженный.

— Ох, — говорит он и, передернувшись, чешет спину под лопаткой.

— Может, мы еще увидимся, — говорит она и целует его в мочку, — а может, и нет. Ты не пугайся, если я позвоню.

— Может, все обойдется, — говорит он, когда она идет к двери.

— Франк, — говорит она, — не всему же обходиться.

Она шлет ему воздушный поцелуй и уходит. Он, в пижаме, стоит на пороге и машет ей. Она толкает дверь в холл. Она машет ему в ответ, издали распахивает ему объятия и входит в холл, где, беседуя с коридорным, уже ждет ее шофер. Кончились праздники.

Она и не припомнит, было ли утро сегодня.

Надо было сказать не так. Надо было сказать ему: «Попробуй только не позвонить».

Она держится за ремешок, привалясь к правому стеклу, и они небыстро катятся сквозь предутреннюю темень, в которой мокрые, облитые фарами стволы бегут и бегут назад. Никого, тихая зябкая пора, когда тот, кто бодрствует, ежится, а кто спит, жадно натягивает на ухо одеяло сползающего сна.

— Сколько нам ехать? — спрашивает она у шофера.

— Четыре часа примерно, — говорит он.

— Ничего не видно, — говорит она.

— Предсказывают, что так и будет, — говорит он. — Солнце в этом месяце только на полчаса выходило.

— Я не видела, — говорит она.

— Я видел, — говорит он. — Вроде баллона. Его такое не часто увидишь. Так-то оно вроде апельсина.

— Я не видела, — говорит она. — Я в ванне была.

— Нас четверо стояло — смотрело, — говорит он. — Все время. Полчаса.

— Муж видел, — говорит она. — Он тоже смотрел — не мог оторваться.

— Скучно без голубого неба и без солнышка, — говорит он.

Еще темно, когда они подъезжают к мотелю, где оставлен голубой автомобиль. Она расплачивается с таксистом, она вызывает коридорного и получает автомобиль.

Масло налито, налита вода, и бензина достаточно. Машина не доставляет ей теперь ни малейшего удовольствия. Она вовсе ей не подходит, лучше б купить дешевую, незаметней. Ей хочется остановиться, вый-

ти. Лучше б сидеть где-нибудь у черта на рогах в разбитом кузове и следить, как дальний поезд ползет по виадуку.

Вообще, думает Маргарита, вести машину опасно. Лучше б ее отвезли, доставили домой. Если б ее прицепили к любому захудалому грузовику, было б и то лучше, а еще лучше бы оказаться вдруг в вагоне первого класса. И что за торжество, что за удача — машина? Ей, Маргарите, этого не понять. Нет, это напасть, доука, и какое бы счастье вдруг очутиться сейчас в детской ванночке, где она играла уткой из желтого пластика, который тогда как раз начали производить. Да. Вот каково это — быть взрослой.

Светает. Светает нехотя, через силу, будто по очереди пробуют разных тонов карандаши. Палатка не проспавшегося утра разбита рукой старого подагрика. Ох, кричит оно. Ох. Но и стон лучше немоты. Знак немоты — гладкий шифер, сплошь залитый асфальтом мир, и жизнь, гигантской заброшенной посадочной площадкой беспамятно рвущаяся к небу.

Но она едет.

Она едет.

Город объявляет о себе скоплением домов и фабрик, понастроенных архитекторами, которым не удалось забыть зрелище корриды. Вот все вокруг разрастается в большую лавку, нет, в большую рыночную площадь. Давно она тут не бывала, и она думает обо всех этих новых домах, о новых жпльцах. Не останавливаясь мыслями, скользя.

Она ни за что бы тут не поселилась. Кольцо за кольцом обхватывают город, как на старой карте неба. Она живет на одном кольце, может на Венере, да, хорошо бы, или нет, лучше на Сатурне, который пожирает собственных детей. Но она родилась в лунном кольце. Переселяются лишь однажды.

«Маргариточка, — говорит она сама себе, — давай-ка сними с себя шелестящий целлофан, просунь головку между камней и успокойся».

Роза никогда не называет себя Розой.

Около полудня Маргарита уже у больницы.

Время самое неудачное. Маргариту очень решительно задерживают в проходной. Привратник в окошке просит его извинить и при этом улыбается. Маргарита

растолковывает ему, что ее вызвали, и он тотчас все понимает. Он просит помощника позвонить в контору и связаться с отделением. Как же, как же, помощник немного знает Лео Грея, такой хороший человек. Маргарите почти тотчас разрешают пройти и вдогонку шлют добродушнейшую улыбку.

Маргарита идет асфальтовым двором к отделению, поднимается по лестнице и заглядывает в коридор через большую стеклянную дверь. Все тихо, сейчас обход. Обождав немного, она видит, как целая группа выходит из одной палаты и идет дальше. Маргарита идет к кабинету старшей сестры, где сидит молоденькая практикантка и читает учебник. Когда Маргарита называется, практикантка предлагает ей сесть. Старшая сестра сейчас будет, как раз кончается обход.

— О, — говорит старшая сестра, войдя и узнав, кто ее дожидается. Она снимает очки, держит их у правого уха и смотрит на Маргариту.

— Трудная была дорога? — спрашивает она.

— Я об этом как-то не думала, — говорит Маргарита. Она встает. Они выходят в коридор.

Старшая сестра останавливается, не доходя до палаты, и говорит:

— Мы делаем все, что в человеческих силах.

— Ну конечно, — отвечает Маргарита. Она замечает, что в кровь прокусила губу.

Старшая сестра распахивает дверь перед Маргаритой. И будто только тень ее ступает сейчас в комнату.

— Целый завод, — шепчет она затворяющей дверь старшей сестре.

Обе стоят притихнув, старшая сестра чуть позади. Ни звука, только скрежет какой-то, как когда сворачивает за угол трамвай.

Лицо Лео — маленькая, нежная маска: выпирающие веки, красивый крупный нос и рот, искаженный не болью, но скорбью. Нижняя губа дрожит, будто на нее села муха. Голова чуть запрокинута и чуть склонена к правому плечу.

— Жив, — шепчет она и подается на несколько шагов к нему, держа руки перед собой, как ходят в темноте, когда не хотят опираться о стенку.

Она подходит почти вплотную к нему, насколько позволяют аппараты, и различает трепет кожи. Будто

зыбь на море. Она видит его плывущим. Когда он плыл от нее, виден был только затылок, а когда он оборачивался — лицо.

Старшая сестра трогает ее за локоть и смотрит на нее. Маргарита обращает к ней темный взгляд.

— Сердце работает вполне удовлетворительно, — говорит старшая сестра.

Маргарита берет ее за руку и говорит:

— Спасибо вам большое.

И идет к двери.

За дверью сестра говорит:

— Главный врач хотел бы побеседовать с вами. Он сейчас у себя.

Главного врача не тревожат лишними телефонными звонками. Он принимает Маргариту тотчас, просит ее сесть и садится напротив с улыбкой, столь знакомой ей по фотографиям великих дипломатов.

— Ну, вы видели, значит, вашего мужа, — говорит главный врач. — Не могу сказать, чтоб ему очень повезло, хотя то, что он жив, само по себе — чудо.

Он что-то прикидывает в уме.

— Имеется шанс, — продолжает он, — шанс не слишком большой, что он выживет. Но инвалидом.

Это, он видит, произвело впечатление. Она только моргает под его взглядом.

— Муж ваш больше не сможет ходить. Он не будет говорить. Центр речи разрушен. Если, как я уже сказал, если он вообще придет в сознание. — Руки врача распластаны на столе. Он ждет, что она скажет. Она пытается привести в движение губы и язык, нащупывает слова, но ей удастся только, запинаясь, выдать:

— Наверное, лучше, чтоб он умер. Наверное. Это лучше всего.

— Как вы думаете, ваш муж сам бы на это согласился, или вас покоробит, если в данных обстоятельствах я попрошу...

Маргарита кивает:

— Я понимаю, о чем вы.

Врач говорит:

— Так вот. Почки совершенно не затронуты.

За дверью дробный перебор каблучков.

— Вы даете согласие? — спрашивает врач.

— Я не могу, — говорит Маргарита. — Мы не женаты.

Врач длинно кивает.

— Имеется потомство, наследники?

— Двадцатилетний сын.

— Я все утрясу, — говорит врач и встает.

Маргарита идет к двери.

— Спасибо, — говорит она.

Врач только улыбается.

Да, думает Маргарита, и что тут скажешь...

Глава 6

НЕМНОГО ПОГОДЯ

Лео Грей лежит без сознания в больнице после автомобильной катастрофы. Никто уже ничего не может для него сделать — только ждать. Его близкие — жена Маргарита и друзья, например зубной врач Роза, — судят и рьят о том, что уже случилось и что, по-видимому, предстоит.

Стоя на тротуаре и вытаскивая чемоданы из багажника, Маргарита и не взглянула на свой дом. Туристка в собственном прошлом — так сказала она себе. Нет, это не к месту. Разбитого окна в кладовке она тоже не заметила, пока не стала проверять, сколько у нее бутылок молока. На много дней. Целый детский сад могла бы накормить.

Она отперла дверь, провезла ею по полу газеты, журналы и письма, внесла чемоданы. Она собрала всю почту, накинула платок и вышла в кладовую, откуда по всему дому расходились овсяные дорожки. Она обошла комнаты, проверяя, не украдено ли что, но увидела только, что Лео плохо подметал, что посуда не мыта и не прибрана кровать.

Подле ее постели горела лампа, на ночном столике лежал журнал, который не она положила, но постель была нетронута. В ванной капало из всех кранов, в умывальнике плавали сбритые волоски.

Она основательней осмотрела кухню и там обнаружила два пивных стакана, две рюмки, две тарелки с яичными затеками, в ведре — четыре скорлупы, одна

в другой, и рядом с грязной посудой две размокшие салфетки со следами помады: Лео ел яичницу с дамой, та утиралась салфеткой, но ночевать она не осталась или уж в постели Лео, или уж, если на то пошло, в ванне. Немного загадочно, но загадку надо разгадать, и тут-то и объяснится, отчего Лео задержался на день, если вообще можно докопаться до объяснения. Она давно знала, что Лео встречается с женщинами, но никогда еще не ели они тут по вечерам яичниц, и они не били окон, не опрокидывали полки, они не разносили овсянку по всему дому. И на диване оказалась овсянка. Тут сидели, поджав ноги, в одних чулках. Она так и увидела все это.

Маргарита поставила чемоданы у себя в комнате и принялась мести, скрести, мыть и через два часа привела дом в порядок. Ставя пылесос на место, в чулан, она рассмотрела аккуратный ряд вычищенных туфель. Ничего нельзя понять. Кому охота чистить чужие туфли...

Затем она собрала письма и, поджав ноги, села на диван. Все письма были к Лео. Раньше она ни за что бы не вскрыла его письма. Письма долго лежали у нее на коленях, а она глядела на потное окно и вспоминала, что еще год назад Лео вдруг и надолго в нее влюблялся. Однажды, попыхтев в саду трубкой, он вошел к ней и на потном стекле с размаху вычертил ее — совершенно голую, и — очень веселого — себя. Им выпадали славные деньки, но скоро их перебивало раздражение, в ней — недавнее, в нем — давнишнее, может, оба они были чересчур требовательны. Пока Лео много работал, всем интересовался, часто уходил из дому и для разрядки был под боком Марк, плохие периоды легко проносило, но теперь, когда они очутились один на один и спина к спине, пришла пора решаться. Больше ждать от него было нечего, ей надо было высвободиться, но без драм и без сцен, без крупных разговоров, ведь все равно последнее слово окажется за ним, и своим флегматичным цинизмом он в который раз побьет ее решимость.

Он когда-то все говорил, что им надо кутнуть вдвоем. Так из этого ничего и не вышло.

Он всегда заставлял ее штопать ему носки, хотя рабочий день у нее был ничуть не меньше. Знал, как унижить женщину, опутав мелочами.

Пришлось вскрыть письма. Что поделаешь? Марк извещал, не указывая обратного адреса, без всякой формулы приветствия, короче — нельзя, но метровыми буквами, словно по морю в бутылке пускал письмо, что придет (она посчитала, получалось назавтра вечером), чтоб договориться с отцом о полной независимости. Будет ему независимость. Им обоим будет. Только не так, как рассчитывали. Им натянули нос, их обогнали. Вот вам и все ваши намерения.

Маргарита подумала о том, что было бы, останься она дома. Десяти роковых минут могло бы не быть, могла бы сместиться вся система порывов и причин, и Лео сидел бы теперь у себя в конторе, а она на диване уютно листала бы технический журнал, я мешали бы ей только голуби, которым житья не давал, сгоняя с продроглой яблони, соседский пес.

Вот так. Значит, вина. Или, мягче выражаясь, соучастие, будто это легче, когда ты в таком деле не одна. Лучше уж все взять на себя.

Пусть она не желала Лео смерти именно теперь, но сколько же раз приходила ей эта мысль за долгие годы, оттого что все и так рассыпалось, как труха. По его милости она стала чувствовать себя паровозом, брошенным на путях, где и сзади и спереди скрыты рельсы. Кончаются уголь и пар, остается пустой котел да ржавеющий щит управления. Такой паровоз даже не продашь.

Надо исполнять долг. Позвонить разрозненным членам его семьи; сперва сестре, и пусть та скажет матери, которая в доме для престарелых после инсульта, потом позвонить брату, процветающему экономисту, следящему за литературой. Или все наоборот. Или только брату.

Телефон и машина — это полжизни. Ее сразу соединили с братом, Оле, дружелюбным, веселым и острым, как Лео, но только без червоточины.

Да, это она.

Как дела?

— Откровенно говоря, Оле, — сказала она, — с твоим братом совсем плохо.

— Говори, Маргарита, — сказал он.

— Он в больнице, после аварии. Остались только глаза, нос и рот, — сказала она.

— Скверно, — сказал он, — мне присхать?

— Кто-то должен тут быть, сам знаешь, Оле. Меня не хватает, но кто-то должен. Ты ведь знаешь, у нас с ним последние годы все шло очень плохо. Не то чтоб совсем скверно, ему было не до этого, но и не хорошо, ему было и не до этого.

— Он к тебе очень привязан, Маргарита.

— Я ни в чем его не виню, Оле. Так уж получилось.

— Маргарита, я приеду завтра, совсем поздно, поездом.

— Я тебя встречу, — сказала она. — Ты прости, я буду в голубом спортивном автомобиле, это Лео меня подбил его купить. Я его тут же продам.

— А ты можешь себе это позволить? — спросил он.

— Не знаю, — сказала она. — Наверное, никто не знает.

— Каждый знает, чего он не может себе позволить, — сказал он. — Я приеду вечерним поездом.

— Ты будешь спать у Лео в постели, — сказала она. — Постель ведь на месте.

Вот такой разговор.

Следующий был хуже.

— Тебе, верно, ужасно плохо, Маргарита, — сказала сестрица Теа.

— Я в столбняке, Теа, — сказала Маргарита. — Я иссыкла, как испанская река в засуху. Не говори со мной о чувствах, Теа. Этого я не умею. Зато я всегда буду гладить твои блузки, если надо.

— Я не понимаю тебя, — сказала Теа и перешла на анализ чувств.

— Лео бы меня понял, — сказала Маргарита, — он такой же. Он не умел смотреть судьбе в глаза. Он всегда отводил взгляд в сторону. Тут мы одинаковые. В том-то и несчастье.

И вдруг ей ясно стало, что это на счастье припрятанный амулет затерялся в дальнем ящичке и через много лет нашелся.

— Но как же так? — сказала Теа. — Я бы извелась.

— А потом взяла бы себя в руки, — сказала Маргарита. — У тебя свои правила игры. Я их уважаю. Просто мне они не подходят.

На следующей неделе Теа приехать не могла. Только в случае крайней необходимости.

Маргарита не стала ей объяснять, что уже необходимость крайняя.

Чтоб забыть, что сама опоздала. Так даже страшней. И лучше.

Теа позвонила матери. Все обошлось. Без рецептов пирожного, без обсуждения новых платьев. Потом контора, где секретарша уже знала и потому отвечала коротко и сочувственно.

— Я уверена, что шеф хотел бы с вами поговорить, — сказала она.

— Это очень любезно, — сказала Маргарита, — исключительно любезно, но я просто не в состоянии.

— Все так хорошо отзываются о вашем супруге, — сказала секретарша.

— А зачем? Вы им скажите, что он любил, чтобы говорили то, что думают, лишь бы удачно.

— О, — сказала секретарша.

— Кто звонил? — спросила Маргарита.

— Одна дама. Спрашивала, знаем ли мы, что с вашим супругом, но мы ничего не знали, и она сказала, что он в больнице. Коллега вашего супруга, мы с ней часто имеем дело.

— Если она еще позвонит, — сказала Маргарита, — передайте ей от меня привет.

Вот так. Осталось только ждать.

Теперь ей бы только сказать Лео, что она все же хорошо к нему относится. Так легко стало, когда выяснилось, что кто-то думает о нем, может быть, зовет его ночами.

Значит, он вернулся с пути, чтоб взглянуть на нее, на ту, еще раз. Да, и это все объясняет. Но это объяснение лучше держать при себе.

Она распаковала чемоданы.

Она пошла на кухню и осмотрела припасы. Для одной достаточно, можно никуда не ходить.

Она села на диван, поджала ноги. Смеркалось уже, а света она не зажгла, дом за домом истаявал в темноте, туман накатывал плотно, как море, но окно было черное, большое и ясное, только топкая жилка воды билась в одном углу. Сквозь ограду светилось соседское окно и видно было широкое парадное и прохожих.

Скоро масленица.

Она легла на кожаную подушку и в изнеможении вытянулась. Отчего жизнь так освеживает людей и снимает с них теплые шкуры и шубы?

О'кей, Лео.

Может, Франка угораздит сейчас позвонить.

В это самое время Роза была в пути, с Альвой под боком. Она побывала в больнице, передала букет цветов, услышала два слова от старшей сестры, только что состояние без перемен, и получила разрешение постоять в дверях палаты Лео, где уже горела одинокая красная роза, в то время как сама она купила белую сирень. Грустные цветы, но ведь ей и невесело. Она сегодня поцарапала десну одной даме и плохо сделала обезболивание. Потеряны два пациента. А ей просто захотелось взглянуть в окно, просто постоять у окна, глядя на улицу.

Альва сказала:

— Мне сегодня Лео снился. Негритянское племя собиралось варить его в котле, а я его спасла, он вылез и говорит: «Как думаешь, я вкусный?» Потом мы с ним ехали на велосипедах домой из бассейна. На каждом фонаре было по проигрывателю, и все играли «*Ach du lieber Augustin*»¹. Лео говорит: «Давай остановимся?» Мы стали у фонаря. «Вот как золото добывают», — говорит Лео, и он вынул из кармана большой такой слиток и дал мне. Я посмотрела, а потом выронила, он упал и провалился в сточную яму, и там булькнуло. И Лео сказал: «Ничего, может, кому-нибудь внизу пригодится». Потом мы проезжали мимо кино, и там шел какой-то фильм, но я забыла название.

Дальше она не помнила.

Они повернули. Роза остановилась у дома Лео и Маргариты, зиявшего выбитым окном кладовой.

— Я сейчас, — сказала она Альве.

Альва видела, как она позвонила.

— Роза, — сказала Маргарита, — сколько лет, сколько зим.

— Маргарита, — сказала Роза. — Как это грустно.

Маргарита увидела долгие дали тоски во взгляде

---

¹ Ах, мой милый Августин (нем.).

Розы. Глаз-виноград, пантерий глаз, подшучивал, бывало, Лео.

— Заходи, Роза, я вот тут дремлю на диване, — сказала Маргарита.

— У меня Альва в машине.

— А ты ее сюда возьми, — сказала Маргарита. — Тебе помочь?

— Нет, я сама.

Маргарита придерживала дверь и протянула Альве руку, когда Роза ее вносила.

— Оставайтесь, поедим, — сказала Маргарита, — у меня непечатый край молока.

Роза исповедалась, она рассказала всю историю о том, как они с Лео ломились в дом, и про яичницу, и про овсянку.

— Вот не думала, что это ты, — сказала Маргарита. — Я думала, это дама.

Помолчали.

— Но вообще-то дама есть, — сказала Маргарита и посмотрела на Розу. — Это которая звонила к нему на службу. Потому-то Лео тогда и повернул.

— Конни видел его утром в ресторане на полпути.

— Он повернул, — сказала Маргарита. — Полиция говорит, это случилось по дороге в Таубен. В Таубене и была эта дама, я уверена.

Альва проводила взгляд матери, скользнувший к камину.

— Тут ничего не поделаешь, Роза, — сказала Маргарита. Она осеклась и продолжала, спав с голоса: — Оставаться друг другу нужными так, как надо, — нелегкое искусство. Ты сама знаешь, я не очень-то была нужна Лео, да и он мне не очень-то был нужен. Я ничего плохого не хочу про него сказать.

— Если ты кому-то не нужен, еще не значит, что ты не нужен вообще, — сказала Роза.

— Не знаю. Но даже если это никому не нужно, я буду ходить в больницу каждый день.

— Нет, это нужно, — сказала Роза.

— Не думаю, — сказала Маргарита.

Вдруг у Розы стали мокрые глаза и Альва, запинаясь, выдавила:

— Уж плохого-то в этом ничего не будет.

Маргарита, улыбаясь, смотрела на Розу. Ей хотелось сказать: «Ты очень любишь Лео», но вместо этого:

— Да, сколько лет, сколько зим. Помнишь, как мы ездили купаться, — сказала она. — А где Конни? Все в Таубене?

— Я позвоню ему, если хочешь, — сказала Роза.

— Пусть бы пришел поест. — И Маргарита поднялась. — Пойду чего-нибудь приготовлю.

— Между прочим, — сказала она в дверях кухни и почесала голову, — иногда там звук пропадает. Надо переждать, и он сам собой появляется.

Роза глянула на нее и поправила оборочку юбки.

— Привет от меня папе, — сказала Альва, — если он не придет.

Конни прийти отказался, занят, надо подготовить доклад для небольшого кружка, с которым он недавно связался. Попозже вечером он за ними придет или заберет Альву, если Маргарита захочет, чтоб Роза еще у нее посидела.

— Он ехал обратно в Таубен, Конни, — сказала Роза. — Ты понимаешь?

— Нет, — сказал он. — Но, значит, это его машину везли, когда я днем возвращался. Неприглядный вид.

А так у него все в порядке.

— Живот не болит?

— Совершенно.

Разговор кончился. Роза подумала о последнем месяце и о месяцах до него, когда постоянно не выдерживали нервы. И вдруг такая перемена.

— Как вообще Конни? — спросила Маргарита, когда Роза вошла в кухню.

— Просто невероятно, — сказала Роза, — но только самые последние дни. А то нечем было похвастаться. Знаешь ведь, какой он бывает.

— И у вас все хорошо? — спросила Маргарита. Она подняла глаза от картофельной шелухи и встретила взгляд Розы. Двенадцать-четырнадцать лет назад они хорошо знали друг друга, а потом все хуже и хуже.

— Нет, — сказала Роза, потрясла головой и уложила выбившуюся прядь за ухо, — ну что ты. Все совсем паршиво.

— Так чего же ты терпишь? — спросила Маргарита.

— Так чего же ты терпишь, — повторила за ней Роза. — Дни идут. Времени на раздумья и на выводы не остается. Да я никогда и не стану ничего предпринимать.

— Ты кроткая, — сказала Маргарита. — А я не кроткая.

— Может, я и кроткая, — сказала Роза. — Не все ли равно?

— Сама не знаю, — сказала Маргарита. — Но ты кроткая.

— Да, мы с Альвой, — сказала Роза, — как раз на днях об этом говорили...

— О чем мы говорили? — крикнула Альва из комнаты.

— Что добрые страшно усложняют жизнь злым, — сказала Роза. — Но что поделаешь.

— Терпеть не могу быть доброй, — сказал Маргарита. — Поэтому я ни с кем из родственников и не вижу, кроме брата, он такой же, как я. Лео это во мне, по-моему, нравилось. Так ему было проще.

— Как ты думаешь, Маргарита, ты думаешь, он выживет? — спросила Роза.

— Я сказала врачу, что надеюсь, что он умрет. Лео же нужна жизнь беспомощного калеки.

— Почему? — спросила Роза.

— Он и говорить не сможет, — сказала Маргарита.

— Может научиться разговаривать руками.

— Нет, — сказала Маргарита. — У меня не было детей, и я не справлюсь. Мне это не под силу.

Они теперь сидели в комнате и, когда теряли нить, умолкали. Маргарита поставила пластинку, камерную музыку, густо печальную, спасительно простую.

Это была одна из самых любимых пластинок Лео, Роза точно знала. Она слушала. Маргарита в середине фразы вышла в кухню, вынула из духовки картошку, положила в гусятницу мясо.

— Может, пришли бы завтра вечером, — сказала Маргарита, — придет его сын, не представляю, что с ним делать. А потом мне ехать на вокзал за его братом.

За едой Роза поинтересовалась, как она отдохнула. Маргарита сперва глянула в окно, на светлое соседское парадное, и бегло, бесконтрольно улыбнулась, потом

она посмотрела на Розу, пожала плечами, перевела взгляд на Альву и сказала:

— Я тебе потом расскажу. Да ведь это совсем не-долго было.

В девять пришел Конни. Он печально и корректно объяснился с Маргаритой, которая расспрашивала его о встрече с Лео в мотеле. Роза не спускала с него глаз.

— Значит, вы завтракали за разными столиками?

— Лео читал газету, — сказал Конни. — Я сам не люблю, когда мне мешают, и я ему только помахал. Мы ведь, по-моему, достаточно коротко знакомы.

— Я, признаться, теряюсь, — сказала Маргарита. — Может, у вас с Лео какая-то кошка пробежала?

Роза отвела глаза. Конни смотрел на нее, но не мог поймать ее взгляд.

— Мы давно не были закадычными друзьями, сама знаешь, — сказал Конни. — Лео меня всегда нарочно бесил. Он меня ни во что не ставил.

— Подумаешь, — сказала Маргарита. — А сам-то ты разве не лез на рожон?

Конни передернуло.

— Может, ты ревновал? — пыталась Маргарита. — Из-за того, что они с Розой так легко находили общий язык?

— Вот уж нет, — сказал Конни. — Наоборот, я радовался.

— Не знаю, чему тут радоваться, — сказала Маргарита. — Лично я от зависти чуть не отрезала Розины роскошные волосы, сто раз собиралась. Вот, Роза, что уж теперь скрывать.

— А я всегда завидовала, что ты так здорово все успеваешь, — сказала Роза.

— Спасибо, — сказала Маргарита. — Очень приятно. Но я бы с удовольствием с тобой поменялась. Я себя не люблю.

Ну что на это можно сказать? Маргарита заметила, что всех смутила.

— Лео тогда прекрасно выглядел, — сказал Конни и снял пиджак. — Он мне улыбался и кивал.

— А ведь он возвращался в Таубен, — сказала Маргарита. — Были б у вас чуть лучше отношения, ты бы теперь знал зачем. Но все это неважно. Теперь только ждать и ждать.

Роза и Конни смотрели на нее. Альва лежала на диване, вертела звездную карту и слушала вполуха.

— По-вашему, я богом обиженная? — спросила Маргарита.

— Ты мужественная, — сказала Роза. — Я б так не могла.

Маргарита сказала:

— Нет, я богом обиженная. Но это к делу не относится.

— Может, потому что вы неженаты? — спросил Конни. — Наверное, из-за этого масса сложностей.

— Да нет, какая там масса, — сказала Маргарита. — Но почему к этому нельзя подготовиться, а если и подготовишься, почему от этого ничуть не легче?

— По-моему, — сказала Роза, — просто у нас сил не хватает. А если у кого хватает, тот не сознает этого.

Глава 7

РВАННЫЕ ТЕНИ

Лео Грей лежит в больнице после автомобильной катастрофы. Он без сознания и никогда уже не станет полноценным человеком. Покуда близкие ходят за ним и говорят о нем, он еще живет — в снах.

Кардиограммы Лео Грея в ночь на третьи сутки госпитализации показали четыре волны улучшения электрической активности.

— Что это? Жизнь или угрожающее положение? — спросил главный врач на обходе.

— Сны, — сказал дежурный врач, не очень-то вдумываясь в вопрос.

— Не так уж это очевидно, — сказал главный врач. — А впрочем, кто знает? Стало быть, жизнь.

— Вот американцы разрабатывают способ прямой передачи мозговых импульсов сна на телеэкраны, — сказал дежурный врач.

— Что ж. Проблема, — сказал главный врач. — Но меня она не занимает.

— Как и меня, — сказал дежурный врач.

То были сны. Пузырями в тихой заводи. Кругами. Быстро набегавшими и тотчас стиравшимися волнами.

Вот Лео Грей очутился на палубе большого судна, а вместе с ним еще множество народа. В борту открылась течь, все бросились к насосам, но, чем больше качали, тем верней их захлестывало водой. Дыры затыкали платками, вода вырывала затычки. От судна стали отламываться куски, все оказались по пояс в воде, голые и потерянные. Перед Лео Греем очутилась Эрна. Он обнял ее и захлебнулся в мокрых волнах ее волос. Вода все прибывала. Он поцеловал ее, она вырвалась и сказала:

— Дело плохо. Надо самим залезть в дыры и заткнуть их телами.

Она кликнула остальных, все метнулись к бортам.

— Как лучше, головой внутрь или наружу? — спросил Лео.

Эрна ладонью закрыла ему рот, он высвободился и сказал:

— Нет, серьезно.

Она пошла прочь по воде, к борту.

— Сначала надо узнать, куда мы идем, а потом уж я буду спасать корабль, — крикнул Лео ей вдогонку.

Он выбрался по трапу на палубу, всю залитую искристо-солнечной, смарагдовой водой, там стояла команда, у каждого был бинокль, все следили за горизонтом. Попурый капитан сидел в рубке.

— Куда мы идем? — крикнул Лео.

— Сейчас узнаем, — сказал капитан. — Самя видите, мы ищем землю. Только мы медленно продвигаемся.

— А ветер попутный, — сказал Лео.

— Люди устали, — сказал капитан. — Не ветер, а звук наполняет паруса. Смотрите.

Лео поднял глаза на мачты и увидел там матросов, они изо всех сил орали в микрофоны.

— Дело дрянь, — сказал капитан. — Трудно нам, когда на море так тихо.

— Эрна, — крикнул Лео и спустился в темный трюм, где вода плескалась уже у шеи. — Эрна.

Лиц он не различал. Прибывала вода. Ноги оторвались от пола, и стало совсем легко, будто из песочных часов утекла последняя песчинка.

Потом ему снилось, как он вынырнул вдруг среди желтых известковых развалин. На миля кругом тяжело громадились каменные глыбы. На улицах ржавели

останки сожженных машин. Лишь башенные часы уцелели, они шли, он проверил время на своих, ручных, вынул фотоаппарат и снял башню. Тотчас в нее попал артиллерийский снаряд, башня треснула, все линии изломились, заломились, будто к небу воздетые руки, и тотчас упали, и встало облако пыли. Оно жадно всасывало воздух, раздувалось и застилало белый свет и город. Он стоял и смотрел на облако, оно вздувалось, взбухало; ему сдавило виски, и очнулся он лишь тогда, когда пыль стала оседать, и он испугался, как бы ему не ослепнуть. Когда туча истаяла до тла, оказалось, что башни нет и в помине.

Тогда-то и вышел на улицу полк солдат. Он хотел сфотографировать солдат, но они разбежались, спрятались за грудами гравия и оттуда целились в него. Он отпрянул в дом, под защиту толстых стен, и тотчас заметил, что в спину ему направлено орудийное дуло. Он поднял руки вверх. Его обыскали, вывернули карманы, заставили отвернуть обшлага брюк. Фотоаппарат отняли, а его препроводили в штаб, расположившийся в развалинах книжного киоска с колоннами. Под строгой стражей его поставили перед кафедрой. Вышел капитан, прочел приговор. Он находился на линии фронта с фотоаппаратом, это преступление. Лео возразил, что ведь фотоаппарат еще не оружие. Капитан ответил, что лучше уж палящее ружье, чем фотоаппарат. Их щупают жадные глаза. Со всех крыш направлены на них бинокли. Из машин их снимают на киноленту. Вертолеты взвиваются в небо для так называемых аэросъемок.

Поймав на месте преступления, всех нарушителей такого рода расстреливают.

Лео не дали времени оправдаться. Его вывели на улицу. Поставили перед карательным отрядом. Отдали приказ. Голова его разорвалась. И обратилась в большой карманный фонарь или прожектор.

Лео стоял в бетонированном проходе, сводчато расширяющемся в зал, где с пола до потолка штабелями лежали трупы; у одних ноги были белые, у других черные.

Он громко крикнул, но крик никуда не шел, застревал в вязком воздухе. Пройдя несколько шагов, он догнал свои слова, все они оставались с ним. Их приходилось тащить с собой. Они делались все тяжелее. Он не

мог схватиться за голову: ее не было. Свет тоже шел только до определенного места, дальше стлалась крошечная тьма. Он пробирался вперед по лучу, и вдруг свет прыгнул прочь от зеркала, и Лео отшвырнуло обратно. Он силился и не мог вспомнить какие-то слова. Он повернулся, пошел вспять и так шел, пока снова не наткнулся на слепящий сноп, означавший новую границу его возможностей. Зажатое двумя лучами, теснилось пространство. Лучи сближались. Надо было выбрать один и через него прорваться.

Он сосредоточился и побежал что было сил. Все загудело, будто от удара по хрусталу. Страшная боль прошла его правый бок, он упал и лежал на бетонном полу, изнывая от страха. Далеко где-то слышались голоса, там будто прыгали через веревочку. Он схватился за голову, она была на месте. Тьму рассек луч, он падал сквозь решетку сточной ямы. Лео поднялся и отчаянно потянулся к решетке. Чья-то рука сверху схватила его руку.

Потом ему снилось, что он стоит на широкой равнине. Вдаль, в темноту черного домика, убежал канат. В домике стоял канатчик.

Голос с неба зывал: «Иди вспять!», но Лео стоял как вкопанный и думал, что ничего, каната еще хватит.

И тут из каната вдруг выступили все его прямые предки по мужской линии, от самого неолита, когда еще они пришли с Дона, человек всего 125 или 150, в возрасте от 25 до 30 лет, и все на индоевропейских своих наречиях спрашивали его, неужто он думает, что можно просто так взять и кончиться. Выйдя из каната, они грозным строем надвигались на него.

Он заметил, что особенно горячились последние десять-двадцать поколений, а чем дальше в века, тем они делались спокойней. Древнейший же предок, стоя в сторонке, озирает равнину, на которой паслись приземистые кони; их гривами играл ветер. Все до горизонта вдруг заслонили ели. Солнечные лучи ударяли почти отвесно, били по твердому изо всех сил, падали, как удары гонга.

— Неужели нам не влезть в будущее, — кричал предок из второй половины семнадцатого века, — тебя-то мы втащили в твое «вспять»? Не знаешь ты разве, что человек лишь отрезок каната?

— Что такое будущее? — спросил Лео, глянул вниз, вдоль рядов, и обернулся к своему отцу, который стоял рядом. Тот схватился за грудь, вынул оттуда сердце на золотой цепочке, поднес к уху и сказал:

— Пора.

— Что такое будущее? — кричал Лео.

— Ступай вспять, — кричал почтенный предок из семнадцатого века, — и все будет так, как прежде, но канат станет длинней, в этом-то все и дело.

Канатчик вышел из своего домика, и все к нему обернулись, а он вынул изо рта кусок колбасы. Лицо у него было веселое.

— Лео, — сказал он. — Скоро нам пропадать, через несколько дней нам пропадать. Это канат не простой, это канат от океанского теплохода, он скрепит континенты, если они снова начнут сливаться.

— Что же скажут наши предки, если мы кончимся? — спросил Лео.

— Они будут нам подпевать, что бы мы ни запели, — сказал канатчик.

— Я такой немзыкальный, — сказал Лео.

И это была неправда.

Последний сон имел совсем иной графический очерк. Многие пики сменились просторной высью и грядой холмов, наступившей на опустелую равнину.

Прямо перед собой он увидел штакетник, и открытую калитку, и тополь, подле которого стоял велосипед с проколотой шиной. С дороги неслись голоса, знакомые голоса; когда они проходили мимо, он всех их узнал. Они были такие радостные, и ему захотелось их окликнуть. Ему захотелось крикнуть: «Эгей!»

Как часто кричала его мать, когда он был еще совсем маленький и играл в садике, где разводил крошечных кур.

Ему хотелось крикнуть: «Эгегей! Это ведь я, погодите минутку!» Но язык стал толстый. Он стал как большой толстый чулок, как взбухший фитиль керосиновой лампы. Оказалось очень трудно сказать «эгегей», и «это ведь», и «я». Слова застревали, как отруби в сите.

Он побежал вдоль штакетника за голосами, которые удалялись к городу, но штакетник свернул. Пришлось

и ему свернуть. Он бежал вдоль трухлявого, серого забора, вверх, вниз и проходил его насквозь, если вдруг, вместо того чтоб бежать рядом, забор преграждал ему дорогу. После этого он подолгу стоял, опершись о верхнюю рейку, и сам себе говорил, что понять этого он не в силах.

Все медленней и медленней делался его бег, и вот он повернул обратно, туда, где была распахнутая калитка, и тополь, и на нем висел разбитый велосипед. Он стал у калитки и ждал человека, который давно уже приходил и ушел в поле. Это очень трудно было удерживать в памяти. Он прошел в калитку и осмотрел велосипед, потрогал педали и обнаружил, что они вертятся. Он отступил назад и хотел было сказать «о черт», но язык не слушался. Он разбух. Или рот стал маленький? А голоса он еще слышал.

Наконец с языка сорвался звук. Блеянье. Да, это блеянье, не что иное. Он успокоился. Там вдалеке поймут, что он здесь, что он стоит тут и блеет. Блеял он, не кто-нибудь. Стоял у калитки и блеял. Верчение педалей его больше не занимало.

Не услышит ли кто, не придет ли? Он блеял тихо-тихо, как только мог нежней.

Он прошел еще немного вдоль дороги, а потом побежал сквозь глушащие садовые запахи, липнувшие к ноздрям, мороча их; останавливаться не стоило. Ему надо дальше. Есть место, куда ему надо. Время от времени он все же сбавлял бег и останавливался поблестать. И снова бежал.

Он свернул с дороги на тропку, узкую и утопанную. Здесь пахло спокойней, был приятней вид. Тропка взбиралась вверх. Значит, он бежит туда, куда надо. Теперь он останавливался чаще, озирался, глазам открывался большой простор, и он уже не думал о пестрых голосах, исчезнувших в черте города.

Тропка оборвалась, и теперь ему приходилось продираться сквозь колючие заросли, то и дело вытягивая шею, чтоб оглядеться, и к нему нежданно-негаданно пришла свежесть, скользя по немому воздуху, и скоро обернулась шелестом падающей воды.

Потом он очутился на краю пропасти, в которой белокурыми прядями билась вода. Он спускался по тер-

расам и тотчас наобум избирался вдоль ручейка, заросшего такой сочной травой, что ни у кого бы не стало духу ее отведать. Пахло цветущими луковичными, приманчивыми, как сама смерть.

Потом он увидел скалу, из нее била струя и втекала в круглое озеро. Он тут бывал, всего несколько раз правда, но место ему запомнилось. Озеро смеющимся зеркалом глядело ввысь, и его тесно обступили густые заросли.

Он обогнул озеро, подошел к скале и задрал голову, чтоб получше ее разглядеть. Затем он свесился над родником и различил в нем тени ветвей, далекую вершину, и среди зыблящихся, плещущих, наползавших одна на другую поверхностей он не увидел, но угадал очертания собственной головы; и по гнущему отсвету рогов понял, что это голова овечья, баранья.

Он отвернулся от родника, по тропке поднялся из расщелины и снова вошел в подлесок, и по подлеску, по камням выбрался к наветренной стороне горы, где высокие травянистые кочки выступали из низких кустов куполами мечетей.

К вечеру он достиг плоскогорья и затрусил по краю, время от времени укладываясь отдохнуть, ощущая тепло снизу, сверху и во рту, наполненном теплой влагой, мешавшейся с сухой травой. В глубине его был сумрачный амбар, и он полнился и полнился. Там обитали уют и зимний покой, только более прочный от проходивших по телу толчков, словно зиму напролет молотят рядом на току потные работники.

Было небо и мир на дне его. Небо заслонялось высокой травой, мутное солнце прорывалось сквозь ее стебли и било в глаза, особенно когда попадало на переливчатые крылышки насекомых.

Больше всего было солнце, а после солнца — он. Он все время это помнил. Ночью солнце пряталось, а он оставался. Он был больше луны, и звезды лишь полоскались в пустынной ночи дальними отсветами других, дальних овец на других, дальних небесных перевалах. Он знал это.

На склоне дня он прилег за камнем у края плато. Менял окраску и дымно густел воздух. Он пожевал еще немного и перестал. Он вслушался. Сейчас они придут, как всегда, они приходят вместе с первыми знаками

сумерек, сперва стадо, собаки, весело скачущие вокруг передних овец, а следом высокие, туманные фигуры, чуть повыше неба, застывшие закат и переговаривающиеся между собою. Собаки заметят его, изойдут лаем совсем рядом, но он на них и не взглянет и будет спокойно жевать, будто они тут останутся на ночь и его тут оставят.

Если они не придут, он будет блеять, чтоб не вышло ошибки. Овца похожа на камень, а камень издали похож на овцу. Камни не блеют, и это единственное различие, потому что двигаться камни могут.

Над ним пролетали птицы, одни тяжело и сонно, другие легко и звонко ударяли крыльями. Самые легкие взмахи жужжали над ухом, как осы. Так кончались дни. День выпускал птиц по утрам, а вечером зазывал на ночлег. Только овцы, что днем, что ночью, лежали на своих местах, и ничего им не было нужно.

Они взберутся на гору, если захотят. Они найдут его, если захотят. Он вскочит, он побежит им навстречу, если создание, подобное большой птице, спящее, как все, по ночам и играющее у огня на флейте, тоже придет за ним.

Что сравнится с игрой на флейте? Она лучше травы, лучше самой высокой, самой перепутанной травы. Флейта улыбается, и улыбка флейты течет по всему телу того, кто ее услышит. Но если оно не придет, то создание, что ж, все равно.

Упала ночь и почти обратила его в камень. Он слабо блеял и умолкал, жевал, засыпал и просыпался, помня о своей охранительной величине. Он осторожно дохнул на соседний камень и потрогал его, чтоб убедиться, что это не овца.

Таков был четвертый сон Лео Грея.

— Как думаешь, могут у него быть сны? — спросил дежурный врач своего коллегу за завтраком.

— Нет, — сказал коллега, — ни в коем случае. В таком состоянии пациент не может видеть сны. Он без сознания в буквальном и точном смысле слова. Я совершенно убежден. Хотя, в общем-то, кто его знает?

— А ты как считаешь? — спросил дежурный врач другого коллегу, который, выложив на стол завтрак, взялся за спинку стула.

ВДОЛЬ ОГРАД

Лео Грей в больнице после автомобильной катастрофы, почти все время лежит без сознания, но иногда ему снятся сны. Близкие приходят его проводить. Больше им ничего не остается. Или все же остается?

Маргарита сходила в больницу сразу после завтрака, ей сказали, что состояние без перемен. Ночью кардиограммы показали несколько волн улучшения электрической активности, но это ни о чем не свидетельствует.

— Мы ничего не понимаем, — сказала старшая сестра, разводя руками.

Она принесла нарциссы. Белые розы чересчур холодны, желтые неуместны. Нарциссы хоть напоминают весну высоких, безлистных лесов. Ах, не все ли равно, что они напоминают?

Лео лежал точно как накануне, иначе он, верно, лежать и не мог, и все же что-то, кажется, изменилось в выражении верхней губы, она чуть больше выпятилась, что придавало лицу надменность, словно отстраняющую невидимых визитеров.

Домой она вернулась вечером, разложила покупки и впервые за пять месяцев потешилась сигаретой и стаканчиком разбавленного виски, безоглядно отдаваясь послеобеденно-англосаксонскому алкоголизму. Что ж, недурно.

В туманящееся сознание ворвался дребезг звонка, такой придушенный, словно звонивший подавал условный сигнал либо щадил батарейку. Она нехотя пошла открыть. В нескольких метрах от двери стоял тощий и длинный Марк. Она о нем забыла.

— Входи, — сказала она. Он сам прикрыл за собой дверь и, на ходу сбрасывая рюкзак, прошел за ней в комнату. И встал у окна.

— Хочешь виски? — предложила она. Он стоял к ней спиной и смотрел в сад.

— Нет, — сказал он. — Где отец?

Она выпустила дым.

— В больнице, — сказала она.

— Ну да? — сказал он, уже вполоборота к ней. Руки, не найдя себе применения, повисли у него вдоль тела.

— Твой отец попал в автомобильную катастрофу. С ним очень плохо, хуже некуда. Он без сознания. Он никого и ничего не узнает и не понимает. В больнице это называется «состояние без перемен». Если он выкарабкается, он до конца дней инвалид. В колясочке. Неполноценный. Немой.

Он отошел от окна и сел наискосок против нее.

— Я не могла с тобой связаться, я понятия не имею, где ты живешь, — сказала она. — И я все равно ничем не могу тебе помочь, не могу ничего подписать. Это дело отца, а он не может. А я вот хочу спросить тебя об одной-единственной вещи: можно мне тут остаться?

Марк посмотрел на нее. Он повертел ремешок от часов.

— Я ведь просто живу у твоего отца, — сказала Маргарита, — моего тут ничего, кроме тряпок, да еще один художник когда-то подарил мне пепельницу.

— Конечно, оставайся тут. — И Марк поднялся. Одну руку он сунул в карман брюк, а другой отводил волосы со лба. — Но не насовсем. — И он посмотрел себе под ноги. — Когда отец умрет, тебе придется смотаться.

— Разумеется, — сказала она. — Иначе я и не мыслила.

— Было бы несправедливо тебя тут оставить, — сказал Марк, — здесь столько народу может поместиться.

— Жилье роскошное, — сказала Маргарита. — А я не собираюсь паразитировать.

Помолчали. Она стряхнула пепел, глотнула виски. За окном голуби взметнулись с куста, и в изгородь тыкался соседский лес.

— А его жалованье? — спросил Марк. — Ты им пользуешься?

— Я к нему не прикасаюсь. Всего жалованья твоего отца не хватило бы на уплату моего подоходного налога. Последние два года я его содержала. Так что вот.

— Чего ж ты его не выгнала? — спросил Марк.

— Ты имеешь в виду, почему я не ушла? Дом-то его. Скажешь тоже.

— Надо уладить с его жалованьем, — сказал Марк.

— На пенсию не рассчитывай, — сказала Маргарита.

— Лично мне деньги абсолютно не нужны, — сказал Марк, — но я бы нашел им применение.

Маргарита встала.

— Поесть не хочешь?

И она уже направилась к кухне.

— Нет, спасибо, — сказал Марк. — Я утром ел.

— А я поем. К тому же твой дядя вечером придет. Вот он, кстати, и расскажет тебе обо всем, что так тебя интересует. И даже, возможно, составит для тебя заявление. Я ничего не знаю. Ты устраивайся, как сможешь.

Марк посидел немного, потом она услышала, как он прошел к рюкзаку, вынул книгу и уселся читать.

Немного погодя он сказал в полуоткрытую дверь:

— Я позвоню.

И тотчас телефон зазвонил. Она, выбегая из комнаты, крикнула, что возьмет трубку. Это был Франк, из далекого мотеля, очень озабоченный ее делами.

— О, — сказала Маргарита, — я ничего. Пока, во всяком случае.

Он ни черта не мог делать в тот день, когда она уехала.

— Так тебе плохо, бедный, — сказала она, и он различил в голосе улыбку. Он пустился в объяснения.

— Не все можно уладить по телефону, — сказала Маргарита. — Увы.

Марк читал и, по виду, не слушал. Такие уши, она знала, самые опасные.

— Лучше поставь на этом крест, — вдруг выпалила она.

Марк поднял голову и тотчас снова опустил взгляд. Франк недоумевал.

— Я просто учитываю все вместе.

Он почти понял ее, но не совсем.

— Вот именно, — сказала Маргарита.

— Ах, ну да.

Марк был весь внимание, когда она положила трубку.

Он звонил двадцать минут кряду, пяти лицам, каждое из которых надлежало осведомить о том, к каким выводам он пришел во время своей поездки на попутных, Маргарите не хотелось вслушиваться; разговор вертелся вокруг «действия» и «философии действия».

Затем он явился на кухню и сменил гнев на милость. Он бы с удовольствием чего-нибудь проглотил.

— Тогда завтра есть не придется, — сказал он.

— Ты ведь тут ночуешь?

Нет, он не собирается тут ночевать. Ему надо кое-куда зайти. Она предложила подвезти его. Не стоит. Ему надо встретиться кое с кем из друзей.

— В своем доме, конечно, нельзя чересчур засиживаться, — сказала она ему. — Я ушла, когда мне было шестнадцать. Мой отец до сих пор не расплатился за починку двери в подъезде.

— У тебя была типичная мелкобуржуазная реакция, — объявил Марк. — Твоим родителям она, может, и была неприятна. Но твой класс доволен твоей реакцией. Теперь ты самостоятельна до мозга костей.

— Ну, не знаю, — сказала Маргарита. — Какая уж я самостоятельная.

— Ты загребашь кучу денег. Твой класс тобой гордится. Ты деловая. Ты теперь ценный член общества.

— Ну ладно. Вот ты такой умный, — сказала Маргарита, — что бы ты делал на моем месте?

— Мы пробуем свои силы, мы хотим, чтоб больше никто никого не использовал в своих целях, мы хотим помешать другим использовать нас. Господа станут нашими рабами. В известном смысле слова, — уточнил он.

— Что ж, благословляю, — сказала Маргарита.

— А вы паразиты. Ничем иным вы не можете и не хотите быть. И ваше сочувствие недорого стоит. Мы предоставим вашему поколению мирно умирать.

— Спасибо, — сказала Маргарита. — Примерно о том же мы и сами хлопочем.

— Вы ведь, если разобраться, страшнейшие преступники. Неужели ты сама не видишь? Наворотили, сами не понимаете чего.

Маргарита слила воду с картошки.

— Ну а где ты невинных сыщешь? — сказала она. — Только не воображай, что я сейчас же побегу к ним примыкать.

Какой у Марка большой кадык.

— Нет, мы не невинные, — сказал он. — Но мы сознаем свою вину, и мы знаем, что, если не будем держать ухо востро, на нас станут ездить. Мы несправед-

лпвые, сами знаем. Но так будет справедливей. Тут идеи, понимаешь.

— Марк, — сказала Маргарита, очищая картофелину, — тебе надо решить одну вещь. Можно будет, если отец умрет, использовать его почки для пересадки? Главный врач спрашивал.

— Нет, — сказал он. — Знаю, кого они там спасают. Многоуважаемых паразитов. Не желаю их спасать. Пусть подыхают.

— Ты серьезно?

— Да, — сказал он. — Серьезно.

— Человек же все равно человек, — сказала она. — Ведь верно?

— Все частные лица — преступники, всякая частная жизнь — преступление, — объявил он и хотел было распространиться.

— О, — сказала она, — теперь я понимаю, почему у тебя нет аппетита.

Он мерил кухню шагами. Она накрыла на стол, поставила пиво.

— Поедим? — сказала она.

Он сел напротив. Оба мешкали.

— Ну, застольной молитвы не будет, — сказала она. — Так что накладывай себе.

Она ничего не стала прибавлять.

Трапеза была немногословная. Марк предпочел бы саговую кашу.

— Ты очень милый, — сказала Маргарита, когда они перешли к ананасу. — Но на отца ни капли не похож.

Ананас Марку, по-видимому, исключительно понравился.

— Не подумай, что я вмешиваюсь, — сказала Маргарита. — Но если б ты проведал отца, ты мог бы и с главным врачом поговорить.

— У меня и в мыслях нет туда идти, — сказал он. — Я не поклоняюсь духам предков.

— Загадочное молодое поколение, — сказала Маргарита. — Чего только не папихано в одну голову! Но я тебя понимаю. Что ж, не ходи. Закаляй характер.

Она уже мыла посуду. Он собрал тарелки со стола и передал ей, взял полотенце и вытирал посуду. Потом, пока она мыла руки в ванной, он подмел кухню.

— Кому-то надо это делать, — объяснил он в ответ на ее изумление. — Нас больше сорока человек живет одной семьей.

— Тут кое-кто придет, — сказала она. — Даже скоро. Но ты можешь уйти, когда захочешь, я же тебя знаю. Это в общем-то Роза с дочерью, Альва ее зовут, не помнишь? Альве теперь четырнадцать. У нее был детский паралич, она не ходит. Может, и Конни зайдет. Наверное, это идиотство, что я назвала полный дом гостей, но, честно говоря, я не знала, о чем говорить с тобой и с твоим дядей.

Марк уселся с книжкой и был углублен в чтение, когда Маргарита открыла Розе с Альвой. Альва была в колясочке. Маргарита нашла, что Роза прекрасно выглядит.

Роза пустилась было в подробные воспоминания о том, какой был Марк десять-пятнадцать лет назад, но тотчас осеклась, заметя, что он глядит в сторону и вспоминать ничего не хочет.

— Ты знаешь, как он нас всех честит? — спросила Розу Маргарита. — Паразитами и преступниками. Все частные лица — преступники.

Роза посмотрела на него, в нем была суровость поздних святых.

— Может, он и прав, — сказала она.

— Не думайте, что вас оправдывает, если вы это осознаете. — И Марк, не смягчая взгляда, посмотрел ей в лицо.

Роза не нашлась с ответом.

— А что, не осознавать — лучше? — спросила Альва, вкатываясь из прихожей, где причесывалась.

— В известном смысле, — сказал Марк и окинул глазами колясочку.

— Пощады нет? — спросила Альва и подтянулась на стульчике.

— Сейчас, — сказал он, — сейчас нет. Вот позже, когда невозможны станут недоразумения...

Маргарите удалось прорваться:

— Я свинья, Роза, мне надо ехать за Оле, к поезду. Мы будем через сорок минут, максимум час. Ничего?

— Конечно, ничего.

— Конни занят, — сказала Роза.

Роза довела Маргариту до машины.

— А что, Маргарита, это правда, что ему, может быть, лучше, что он, может быть, выживет?

Маргарита кивнула.

— И ты не рада?

— Нет, почему, — сказала Маргарита и села за руль.

Роза скрылась в дверях.

Неужели, неужели так оно и будет?..

Маргарита встретила Оле уже на выходе с перрона. Поезд пришел раньше времени.

— Маргарита, — сказал Оле.

— Мы можем теперь же поехать в больницу, — сказала Маргарита. — Я там договорила.

— Очень хорошо, — сказал Оле. — Я ведь затем и приехал.

Помощник привратника, на сей раз облеченный полнотой власти, с почестями пропустил их. Они прошли асфальтовым двором, потом по лестнице. Навстречу им спускалась женщина.

— Я ее знаю, — сказал Оле.

Женщина быстро поглядела на Оле, на Маргариту. И быстро прошла, оправляя на волосах косынку.

— Я, кажется, тоже знаю, кто это, — сказала Маргарита.

— Она политикой занимается, — сказал Оле. — Но я ее помню по давним временам, может, еще по студенческим.

— К Лео Грею сейчас заходила дама? — спросила Маргарита у дежурного.

— Нет, я ее не пустил, хоть вроде она с главным врачом договорила. Мне ни в коем случае не разрешено пускать.

Они немного постояли в палате Лео и помолчали.

— Мама говорила, он был очень тихий ребенок, — сказал Оле уже во дворе. — И сейчас лежит, как ребенок.

Возле машины Маргарита сказала:

— Скажи, Оле. Кто кому нужней: ребенок матери или мать ребенку?

— Одинаково, — сказал он.

— Оптимист. По-моему, мать ребенку нужней.

— Вопрос в том, — говорила она за рулем, — разумно ли оставлять Лео в живых. По-моему, неразумно. Но

что тогда разумно? И что мне остается? И выходит, лишних на свете нет, хоть неразумных жизней сколько угодно.

— Может, это все и тебе пойдет на пользу, — сказал Оле.

— Вот уж это мне безразлично, — сказала Маргарита. — Но ты мог бы и не напоминать мне о том, что я лишняя. Сама знаю.

Они ехали по городу.

— Ну, а вообще-то как ты? — спросила Маргарита.

— Ничего, — сказал Оле. — А что?

— Просто так. Я это и хотела услышать. Некоторые до такой степени нетребовательны, что всегда как сыр в масле катаются. И ты такой. Просто поразительно, как это ты не заметил, что в тебе сидит неблагодарное существо, недовольное теми крохами, которые ему перепадают. Назови это неблагодарное существо твоим сердцем, душой, как угодно. Небось оно уже каких-то штук с тобой не сыграло. Есть у тебя язва желудка? Сердечные перебои? Камни в почках? Или только растущие симптомы импотенции и раннего склероза?

— Со мной все в порядке, — сказал Оле. — Должен тебя разочаровать.

— Нет, значит, с тобой дело еще хуже. От тебя никому особой радости — ни тебе, ни другим. Толку от тебя мало. Ерунда все это.

— У меня свои радости, неизвестные тебе, Маргарита, — сказал Оле.

— У крыс тоже свои радости.

— Они не читают книжек.

— И слава богу, а то бы в библиотеке было не толкаться, — сказала Маргарита. — Ну, а почему ты так помешан на книжках? И почему твои драгоценные писатели так обожают подвергать своих бедных героев всевозможным несчастьям? И никак не уймутся? Ах, извини. — И, переведя скорость, она сжала зубы. — Пожалуйста, извини.

Ей пришлось затормозить у перекрестка. Вокруг все тормозили.

Выехали на площадь.

— А тут красиво.

И она жестом обняла величавые канделябры вокруг площади. Машина ползла к объезду.

— Нет, — сказала Маргарита. — Нет. Чего-то тебе не хватает.

— Разумеется, — сказал он.

— Но ты приспособился, — сказала она. — Мне это всегда претило. И в твоём брате тоже. Нет, пусть уж лучше сперва с тебя сдерут три шкуры, а потом посядут и забудут. На мой вкус, так лучше, Оле.

— Смотри-ка, как ты оправилась, — сказал Оле. — И как быстро. Гильда возмущалась бы, если б знала.

— Мы пять лет не виделись, — сказала Маргарита. — Вообще я причинила твоему брату столько неприятностей.

Больше они не разговаривали до самого дома. Она тронула его запястье.

— Оле, — сказала она. — Двух вещей я не умею делать. Я не умею рожать и не умею быть. Рожать я никогда не умела, быть разучилась в восемнадцать лет. Вырвелась. Теперь мне и то и другое не помешало бы.

Он отвечал все не то. И все неинтересно.

— Твой брат так поразился, когда я в первый раз посмела с ним спорить. Несколько дней в себя не мог прийти. Ничего, потом легче пошло.

Она отпустила его руку.

— Как ты думаешь, твой брат был особенный человек? — спросила Маргарита.

— Он мог бы им стать, — сказал Оле. — Но вдруг он изменил курс. С него будто кору содрали. Он бы многого достиг, если б захотел.

— По мне, это невелика заслуга. В общественном аппарате и так людей хватает. Одним больше, одним меньше, подумаешь, важность. Нет, — говорила она. — Кому было лучше от его защиты, от его предложений? Разве уверенность в завтрашнем дне хоть сколько-нибудь крепла у большинства, а ведь речь именно о большинстве, и плевать на богатых и одаренных? Что — было это? — говорила она. — Мое-то дело маленькое. Я-то была только непонятливая официантка в трактире, где рождались планы его благодеяний.

— Ты чересчур много требуешь, — сказал Оле.

— Почему? Конечно, бывает и так: подкованный, непредубежденный гражданин, пекущийся о пользе общества. Но так не было, — сказала Маргарита. — И вообще нам всем пора закругляться.

— Печальное время.

— Не для меня. Для меня наоборот. Но для всех, кому бессчетные провалы представляются победами и кто так дерет нос, что и двумя словами не перекинется с соседями. Как раз я не так уж много требую. Знаешь, что я собираю: фальшивые монеты, да и то из лакричных лепешек.

Они вышли из машины, отперли дверь, внесли багаж Оле в комнату Лео, где Оле тотчас кинулся к книжным полкам.

— Я пойду руки помою, — сказала Маргарита.

Роза для всех готовила чай. Она на кухне жарила хлеб, покуда Марк разговаривал с Альвой, от которой нелегко было отделаться. Он принялся было листать книгу, но она сыпала в него вопросами.

— Согласен, — сказал Марк. — Революция не может учесть требований инвалидов.

Маргарита до небес превозносила Розу.

— Ты еще увидишь Лео в креслице, — сказала она ей. — Ей-богу, увидишь.

— Маргарита, — сказала Роза. — Столько есть радостей, которых мы заранее не можем себе представить. Думаем, нам будет тяжело и невыносимо, а потом оказывается — нам только того и надо.

— Роза, — сказала Маргарита. — Не нравится мне то, что ты говоришь.

— Маргарита, — сказала Роза.

— Но кто тебя знает, может, ты и права.

После чая Марк ушел. Тут он и наткнулся на Оле, сидевшего за книгой в комнате Лео. Оле бросил несколько дружелюбных звуков вслед проходившему за Маргаритой Марку.

Когда он стоял в дверях и прощался, она опять увидела святость, стремительность, всеготовность и взгляд, недальний и неблизкий.

— Привет горе Сянайской, — сказала она и отступила на шаг.

Он, полуобернувшись, посмотрел ей в лицо.

— Спасибо, — сказал он. Таким он ей нравился. Он отступал по кафелю, кривой от рюкзака.

«Борода мала», — подумала она.

А Франк сейчас на пути к дому.

Глава 9

НАКАНУНЕ

Несколько месяцев пролежав без сознания в больнице после автомобильной катастрофы, Лео Грей начинает поправляться. Его уже возят в кресле. Возможно, будут еще успехи. Возможно, он научится объясняться на пальцах. Возможно, он научится плавать.

В один из последних дней мая Лео Грея вывезли на больничную террасу.

Февраль со скверной, какой не упомнят старожилы, самой скверной за столетие погодой и с щедрейшими в столетии прогнозами прошел без перемен. Всякий раз, когда приходила Маргарита, голова Лео лежала все в том же положении, словно ее боялись трогать. Только губы, больше кривясь либо взбухая, выражали то печаль, то покой. Состояние, как говорила старшая сестра, было без перемен. Немногим пространней объяснялся главный врач. Вопрос о почках, как и следовало ожидать, разрешился улыбкой и замечанием о том, что надо надеяться на лучшее. Весь февраль подле постели настойчиво пахло цветами от старых друзей, от коллег, и неизменно первой кидалась в глаза Маргарите темнокрасная роза. Ту женщину, она выяснила, звали Эрна.

К середине марта Лео вдруг открыл глаза, он, оказывается, уже и раньше открывал их, сиделка замечала, но тут открыл глаза и издал слабый звук.

И это уже не было «состоянием без перемен». Все внимание персонала сосредоточилось на Лео. Прибавилось аппаратов, усилился уход, и, оказись в подобном случае полезным джаз-оркестр, его б незамедлительно наняли воскрешать полупокойника.

— Невероятно, — говорил теперь главный врач. — Я просто ничего не понимаю.

Все просто ничего не понимали.

Роза побледнела. Маргарита за нее беспокоилась. Дома у нее было плохо. Но сейчас Роза спокойно обняла Маргариту за плечи и улыбалась:

— Я знала, что он поправится. Я знала.

— Ты больше любишь его, чем я, — говорила Маргарита. — Вот и все.

Маргарите представлялось густое солнце неведомых краев, которому не на что светить.

Лео Грей начал поправляться.

— Каждый день небольшие сдвиги к лучшему, — говорила теперь старшая сестра.

Даже привратник радовался.

— Ну, вот как дело-то обернулось, — говорил он и Маргарите и Розе, будто тайно одобрял двоеженство.

— Это она, что ли? — спросил у него помощник как-то вечером, когда мимо спешила Эрна.

Теперь они их знали.

Однажды в конце марта рука Лео Грея свесилась с постели. И это тоже был сдвиг к лучшему.

— Маргарита, все может быть, — сказала Роза Маргарите, когда та рассказала ей, что сняли все бинты, оставив только повязку на голове.

— Нет, Роза, — сказала Маргарита. — Слишком ты любишь тешиться надеждой. Ты не желаешь замечать, что земля круглая, и просто идешь напрямик. Ну что, что может быть?

Маргарита продала голубую спортивную машину и купила плакат.

Весна взялась дружная, солнце светило вовсю, скворцы опалело голосили в новых кварталах над гнездами, над детскими колясками, над шезлонгами.

— Лето тем хорошо, — сказала Альва, — что птичьих гнезд уже не видно, зато слышно, что они тут.

Иногда Лео Грею поднимали изголовье, и его подтыкали подушками, так что казалось, будто он сидит. Маргарита садилась рядом и держала его руку, сухую и холодную. Когда она ее выпускала, рука тихо падала. Она смотрела на него. Он никуда не смотрел. Она выжидала, пока он закроет глаза, потом снова откроет. Иногда он открывал рот и производил звук, ни с чем не соотносимый. Она приходила, и он не замечал. Она уходила, и он не замечал.

Лео жил в ином мире. Оптимизм врачей был сдержанный.

Ему стали массировать руки и ноги. Поворачивали ему голову. Упражняли ему глаза, направляя в лицо цветные тени, неожиданно его освещая. Он поправлялся. Он поворачивал голову в обе стороны на десять градусов. Он слушал, когда сиделка ударяла по саксофону.

Улыбка зрела на его лице отдаленным светом в глазах, изгибом губ. Лицо припоминалось сиделке, где-то она его уже видела. Она ломала себе над этим голову за завтраком.

Аполлон. Это был Аполлон, ранний Аполлон.

Так родилось прозвище Лео Грея.

Сдвиги к лучшему продолжались.

Однажды Маргарита поехала на уикенд за город с Франком. Зелень дымно стлалась по темной земле, по опушкам гуляли воркующие фазаны. Они брели и брели по сухой листве, по сущему раю анемонов и подснежников.

— Плохо тебе, Франк, — сказала Маргарита. — Ты б хоть притворился, и станет легче. Не умеешь?

Он лежа разгребал листву, высвобождая вздувшиеся, напрягшиеся ростки.

— Посмотри на меня, — сказала она.

Он сквозь красные ветки в тихонько лопающихся почках посмотрел на небо, и она увидела все это в его глазах и сказала:

— Твои дети небось поедают горы овсянки?

Он кинул по ней далеким взглядом, еще полным сныевы, и оперся на локоть.

— Ну, чего ты? — сказала она.

Роза и Альва взялись в эти дни посещать Лео. Альва брала с собой книгу и вслух ему читала, а Роза вязала платок или расставляла нарциссы и тюльпаны. Цветов стало гораздо меньше.

— Он больше улыбается, — говорила Альва после часового чтения вслух. Она обучала Лео езде в колясочке.

— Надо научиться, Лео, — говорила она.

— Он больше улыбается, смотри-ка, смотри.

Маргарите, когда она вернулась, тоже показалось, что он больше улыбается. Да они и куда лучше ее во всем этом понимают.

— Конни, верно, на учениях по гражданской обороне, — сказала она.

Роза кивнула.

Настал май, и каждый день в больнице шел разговор о том, что скоро Лео сможет сидеть на террасе. Маргарита купила белое замшевое пальто, чтоб набрасывать ему на плечи.

— Я думала о высокогорном отеле, — извиняясь, пояснила она Розе, когда показывала покупку.

В один из последних дней мая, в четверг, когда она к вечеру пришла в больницу, дежурная сестра улыбнулась ей и сказала:

— Сегодня ваш муж на террасе.

Она спустилась к выходу и потом через стеклянную дверь вошла на большую кирпичную, увитую жидким хмелем террасу. Руки его лежали на колесах. Он сидел, слегка подавшись вперед, и смотрел в одну точку: на фонтан, в упрямых струях которого неопознаваемыми сигналами невидимых судов бились солнечные блики. Она пододвинула к нему шезлонг, взялась за спинку его кресла и хотела покатаť.

Свет отвесно падал сквозь плотные зеленые кроны, откуда вдруг вспархивали и разлетались по дальним закоулкам сада голуби, с тем чтоб, побродив, вернуться к насиженным местам и многочасовому воркованью. Под деревьями прогуливались парочки; скамейки обседали больные, поодиночке и группками, в долгих разговорах, в полосатых халатах и в послеобеденном опьянении. Больничную сонь на живую нитку прошивал отесненный оградой звон и грохот города.

— Лео, — сказала ему Маргарита, как-то вкось притягивая его к себе; ей хотелось видеть его, хоть он ее не видел и не понимал, — через месяц ты вернешься домой, я за тобой буду ходить. Я буду утром отводить тебя в инвалидный дом, а вечером забирать. Знаю-знаю, ты бы сказал — хорошенького понемножку. Ты такого не любил. Тебе подавай счастья. Но что поделаешь? Какой у меня выход?

Она прикрыла рукой его руку.

— Бывает счастливая судьба и злая судьба, Лео. Я выбираю злую судьбу, Лео. Не в тебе тут дело. Просто так, по-моему, надо. И не для того, чтоб быть доброй. Просто соблазн такой. Никто ничего мне не обещал. И я тебе ничего не обещаю.

Она посмотрела на него. Надо бы захватить с собой замшевое пальто. Оно бы пошло ему. Она встала с шезлонга, опустилась на корточки, положила голову к нему на колени и заметила, что он на нее не смотрит. Она взяла его руки, положила к себе на затылок, и, когда

она подняла глаза, она увидела, что он разглядывает собственные руки, уже соскользнувшие на колени.

Ей важно было в этом удостовериться.

— Я не буду тебе верна, Лео, — сказала она. — На это ты не рассчитывай. Но что мне делать с собой, я тоже не знаю.

Он испустил вздох.

— Может, приучусь петь на кухне, — сказала она.

Пришли Роза с Альвой. Альва была в колясочке. Им разрешили покатать Лео по парку. Роза подталкивала Лео, у нее был большой опыт, Маргарита шла за Альвой, и та веселилась от души.

— Мы как будто король с королевой, а вы наши слуги и возите нас по парку.

Долго стояли у фонтана, вода была ясная и чистая, бассейн глубоко просвечивался солтцем, и в его лучах полоскались золотые рыбки.

Глаза Лео стали внимательней.

— Может, это игра света, — сказала Роза, — кто знает?

Альва сказала, что было бы замечательно вместе провести лето. Она бы научила Лео ездить в колясочке.

— Ой, — кричала она, — ну пожалуйста.

— Конни будет на курсах, — сказала Роза. — А ты?

— Ох, знаешь, — сказала Маргарита, — мне хотелось немного попутешествовать, но я сама не знаю, может, из этого ничего и не выйдет.

С каждой минутой делалось все ясней, что две-то недели они проведут вместе.

— Ну как, замечаете сдвиги? — спросила старшая сестра, когда ей вернули Лео.

Маргарита улыбалась.

— О, — сказала она. — Явные сдвиги.

Она накликала злую судьбу.

Давно уже она не свистела, и теперь, по дороге домой, свистела отвратительно.

Вот ведь как все обернулось.

И конца этому не видно. И вообще ничего не известно.

Друзья мои хорошие.

Дома ее ждало срочное письмо от Марка о немедленной посылке ему денег и открыточка от Оле, который был в Индии и слал оттуда ценные советы. Пома-

гай другим, и они тебе помогут. Гениальное требование беспомощных друг к другу. Какая чепуха.

Не успела она вымыть руки, как зазвонил телефон. Это был Франк, обнаруживший, что все его семейство отправилось на прогулку в лес, и решивший оповестить ее о том, как он по ней тоскует. Если бы только он выражал это несколько иначе.

Можно, он к ней приедет? Ну да, конечно, не спю минуту, но попозже вечером? Тут надо еще кое-что уладить в конторе, но ему хочется с ней поговорить.

— Мне это не очень кстати, — сказала Маргарита.

— А что? Ты ждешь гостей? Или у тебя сидит кто-то?

— Да нет, все в порядке, Франк, — сказала она, раз он все равно ничего не понял. — Я рада. Приходи.

Может, зря она к нему придирается?

Съевши омлет, она вышла в сад. В полном параде и в отличном виде, если верить зеркалу. Она бестолково и упрямо унимала сорняки и сухие ветки и любопытство соседей, через ограду интересовавшихся здоровьем Лео.

— Он скоро выпишется? — спрашивал сосед, у которого росли китайские яблоки. Подоспевшая жена поза его плеча совала голову в ограду.

— Ах, мы столько о вас думали, — сказала она.

Маргарите вскоре открылось, что первого десятка фраз могло бы и не быть. Неизбежный вводный ритуал. Дальше пошли их собственные неприятности: у кого-то там тромб, у сестры рак, малокровие у ребенка. Далее следовала премудрость во всех видах.

— Тут уж ничего не напишешь, — сказала соседка с восточной стороны, с расстроенным вестибулярным аппаратом, которой была противопоказана соль. И даже купаться противопоказано.

— Ну и что из этого? Жить-то надо. Что из того, что слепые не видят, глухие не слышат, хромые не ходят? Их много. Может быть, даже слишком много. Может быть, здоровье вообще не так уж часто встречается.

— Все равно, грех жаловаться. Еще благодарить есть за что, — заключила хозяйка китайских яблок. Это она не сама додумалась, у нее-то прекрасное здоровье, это говорила одна ее подруга, которую безумно трясла судьба.

Не лишено интереса. Но какую ей, Маргарите, набрать формулу? Премудрость хорошо иметь под рукой, но помогает она примерно, как ромашковая припарка или ромашковый чай.

Соседи с китайскими яблоками пригласили ее на ужин, но она отказалась, она ждет гостей, они засидятся. Она отошла к дому и там отдохнула над граблями, сняла перчатки и снова отдохнула, глубоко дыша, потная, довольная.

Она свистела, пока из-за ограды не высунулась голова, тогда она смолкла и затаилась. Между домов тьма залегла уже, а в светлом, забывшемся небе над антеннами еще метались одинокие чайки. За чертой старого города на южном краю сияли черные небоскребы. В дальнем саду, как из ведра, хлынул юный хохот и хлопнула калитка.

Ей вспомнилось, как в их счастливую пору Лео варивал, что для него не было бы лучшего летнего отдыха, чем бродить и бродить, брызгая водой на всех нежащихся на солнце девиц. Только бы они верно его поняли.

В это время года люди сызнова начинают хорошеть.

Наконец она услышала, что подъехал Франк. Зазвенел звонок, четко и чисто, как будто под привычной рукой, и оттого отрадно. Она сбросила сандалии и сквозь тьму коридора пошла открыть. Он стоял в дверях. Большой черный силуэт, и светлое лицо с ртутными глазами.

— Привет, Франк, — сказала она.

Он тут же в дверях ее облачил.

— Я понимаю, Франк, что весна, — сказала она. — Я и по себе это чувствую. Но все-таки.

Она потащила его через весь дом на террасу.

— Я тут в саду работала. Погоди, я только помоюсь.

Когда она вернулась, он прохаживался взад-вперед и курил.

Она, насвистывая, вышла к нему с двумя порциями виски и села в уголке.

— Ты свистишь небось лучше моего, — сказала она, увидев его лицо.

— Я вообще не свищу, — сказал Франк. — Закуришь?

Что-то она очень много стала курить.

— Ты вводишь меня в искушение, Франк, — сказала она и ударила его по коленке.

— А что?

— Нет, не то, что ты подумал, Франк, — сказала она. — Но я тебя не звала. Почему ты приехал?

— Я могу уйти.

И он поднялся.

— Нет, — сказала она, притягивая его к стулу. — Ну чего ты?

Помолчали. Вокруг шуршали грабли и порхало щелканье ножиц.

— Я больше без тебя не могу, — сказал он. — Дома у меня плохо.

Она засмеялась, и он посмотрел на нее.

— Ты смеешься? — сказал он. — Может, ты мне нужней, чем я тебе?

— Ты как маленький, Франк, — сказала она. — Может, ты и прав, и я тебе нужней, чем ты мне. Зачем об этом кричать? Но насчет того, что ты без меня не можешь, говорить без толку. Возьми себя в руки. Дома у тебя плохо? Больше заботься о семье.

— Ты что, совсем ко мне переменялась? Ты перемудрела?

— Нет. Но ты человек семейный, Франк, — сказала она. — И не про тебя это — все бросить. Как только бы мы с тобой съехались, ты бы перво-наперво стал устраивать тайные свидания с семьей и у нас пошли бы дикие ссоры. Мы вообще друг другу не подходим.

Он был пристально занят носком своего ботинка.

— Ты только перебори себя, Франк, — сказала она. — И все обойдется.

Иногда мы будем друг по другу скучать. Вполне возможно. Я тоже буду по тебе скучать, Франк.

Она взъерошила его вихры.

— Милый ты, славный ты мальчик, — сказала она.

Она встала и потрепала его по щеке. Он поднял на нее глаза.

— Я сейчас вернусь, Франк.

Она приняла ванну, переоделась и снова к нему вышла. Он держал руку на щеке. С чего это он?

— Покатаемся, Франк? — сказала она. — Погода такая хорошая.

Поехали в ее машине.

— Очень удобные эти пикапы, — сказала она и улыбнулась ему. Они отправились к берегу и пошли каменистой тропой, зажатой между водой и кьерху избежавшим лесом.

— Все кончилось, Маргарита? — спросил он, держа за ее руку.

— Да, Франк, кончилось, в том смысле, как ты это понимаешь, — сказала она.

Они смотрели на восходящий месяц. Они слушали сов. Они вернулись к машине и углубились в лес. Маргарита опустила спинку его сиденья, и он опрокинулся навзничь.

— Ну вот, — засмеялась она. — Видишь, сколько тут места? — Она затормозила.

Напоследок надо быть с ним внимательной и нежной.

И не думать о том, как бы потрафить Розе.

Лицо у Франка стало совсем белое и опрокинутое, когда она распрощалась с ним на тротуаре и пошла к своей двери.

— Ты звони, — сказала она. — Иногда. Чтоб я знала, что ты жив.

Войдя в дом, она всюду зажгла свет. Все пороги придется снять, ковры тоже будут ни к чему, и надо устроить покатый спуск на террасу. Она сама все вычертит.

Она примерилась поднять кресло. Не такая уж она слабосильная, и у нее вполне могло бы быть, скажем, отложение солей, которым страдает добрая половина ее сотрудников. Все не так уж плохо. Всегда может быть что-нибудь и похуже.

Зрне хуже, та не сможет даже тайком видеть Лео. Она его у нее выкрала. Конечно, можно было бы войти в положение и разрешить той изредка его покатать. Но ей не хочется. Обойдется. Это ее месть.

Глава 10

ЕЩЕ НЕСКОЛЬКО РАЗГОВОРОВ

Лео Грей, наш главный герой, лежащий в больнице после автомобильной катастрофы в почти безнадежном состоянии, начинает поправляться. Его уже возят

в кресле. Его жена Маргарита готовится к его возвращению домой.

Первого августа Маргарита и Роза отправляются отдыхать. Они сидят в дикапе Маргариты, Лео и Альва на задних сиденьях. Конни стоит на тротуаре и машет им. Несколько дней, прежде чем отправиться на курсы, он побудет дома.

— Что это за курсы за такие? — спрашивает Маргарита Розу, когда они задерживаются у въезда на шоссе.

— Для инженеров, — говорит Роза. — Он ведь участвует в этом кружке усовершенствования специалистов. Теперь съедутся специалисты со всей страны.

— И будут себе развлекаться, — говорит Маргарита. — Знаю я эти курсы. Ну и отлично.

— Нет, там люди очень серьезные, — говорит Роза.

— Да, очень серьезные, — подтверждает Альва сзади.

У Лео на лице обычная улыбка, и Роза берет его за руку. И тотчас осторожно отпускает руку.

— Очень хорошо, что они такие серьезные, — говорит Маргарита.

— Как, по-твоему, Конни хорошо выглядит? — спрашивает Роза.

— Исключительно, — говорит Маргарита. — У вас теперь хорошо?

— Да так, — говорит Роза. — Переменно.

— Но ты все такая же, — говорит Маргарита.

— Сегодня Конни хорошо выглядел, но это за много дней впервые, — говорит Роза.

— Как-то ты неуверенно себя чувствуешь, — говорит Маргарита.

— У папы уже нет револьвера, — говорит Альва.

— Что за револьвер? — вскидывается Маргарита. — Вы держали в доме револьвер?

— Я ничего не знаю, — говорит Роза. — Он запирал ящик. У него во время войны был револьвер, и он его не сдал.

— А, знаю, — говорит Маргарита. — Знаю. У того, с кем я жила до Лео, тоже было огнестрельное оружие. Ему слова нельзя было сказать. Просто невозможный

был. Но ведь Конни будет жутко тянуть к нам на природу?

Они выехали на природу. Тускло золотились высокие хлеба.

Маргарита, боковым зрением видя профиль Розы, смотрит на поля, дремотно и пьяно льнущие к опушкам, где бродили они с Франком.

— Сколько воды утекло, — громко говорит она, когда они въезжают в лес, где листва уже скупно процедила солнце.

— Что? — переспрашивает Роза, тоже погруженная в свои мысли.

— Ты почти не изменилась, с тех пор как мы познакомились, — говорит Маргарита.

Улыбка Розы печальна.

Маргарита думает про Франка.

Альва легонько берется за оборочку материнского платья.

— А мы будем плавать?

— Да, — говорит мать, — там бассейн, и вы с Лео сможете плавать.

Озера слепят глаза, в прорезях холмов, за низким лесом лениво берут с места разнеженные паруса, и быстро отсчитываются промельки голыми телами унизированных купален.

Маргарита резко тормозит у киоска и покупает большие брикеты мороженого.

— А ты точно знаешь, что отец сдал револьвер? — спрашивает Роза, оборачиваясь назад.

— Точно, — говорит Альва.

Альва одной рукой кормит Лео, в другой держит свой брикет.

— Ты не рада, Маргарита? — спрашивает Роза, помолчав после мороженого.

— Нет, — отвечает Маргарита. — Но погоди, может, я и буду рада.

Лео почти не слышно. Лицо его, которое вообще уже может меняться (Альва даже умеет заставить его копировать разные движения губ), теперь застылое и блаженное, когда бы ни взглянула на него в зеркальце Маргарита.

Они мчат вдоль кручи, и мглистый от паутины кустарник широко бежит вниз и вдруг выбегает на плос-

кую долпну, и уже плавится в синей синеве жесть крыш, блестят дальние озера и высокие белые башни.

— Мы отсюда родом, — говорит Роза, — папа вечно об этом вспоминает.

Но была она тут лишь однажды, и то в детстве.

— Хлеб у них пеклеванный очень вкусный.

— А они и сейчас тут живут? — спрашивает Альва.

— Нет, все умерли, — говорит Роза. — Никого не осталось.

К вечеру они добираются до места. Большая вилла с башней обнесена ивовой изгородью. Вид открывается прямо на море, и ради этого вида и еще из-за того, что здесь удобно возить Альву и Лео, они выбрали крутой берег. Перед домом импровизированный бассейн, по краям тронутый ряской и неглубокий, но это и не требуется.

Маргарита выбрала башню с окнами на юго-запад, на запад, на северо-запад и север. В восточном углу, куда не доходит свет, она лежит почти без сна запоздалыми белыми ночами.

Она встает среди ночи. Она крадется в южную комнату Розы и шепчет:

— Роза, Роза.

Роза вскакивает.

— Маргарита.

Тревожа ночную гальку, они бредут вдоль моря и поворачивают назад, навстречу ярко-металлическому небу.

Мужчины в больших американских машинах с откидным верхом снимают и протирают темные очки, когда они, толкая колясочки, идут утром за покупками.

Конни прислал всего одну открытку. У него все хорошо. У всех все хорошо. Курсы потрясающие. И погода хорошая.

Стоящий мужчина тут тоже всего один, тот, что ходит, по-пиратски обвязав голову, может биолог, может музыкант, он как-то заблудился и заходил к ним спросить дорогу. Они его раньше уже много раз видели. Маргарита считает, что не худо б его пригреть.

— Почему бы нет, Роза? — говорит она. — Он ведь на тебя глаз положил.

Но Роза трясет головой и пишет в день по письму. Альва делает большие успехи в плавании. Лео барах-

тается в купальном поясе, и вид у него блаженный. Роза прекрасно знает, что другого вида быть у него не может, но об этом не пишет.

Они садятся на мостки повыше над берегом. Посреди ночи.

— Китайская картинка, — говорит Маргарита. Она сидит, поджав под себя ноги. Второй раз Роза бросила Альву. Она об этом не говорит. К чему говорить?

Маргарита берет гладкий камешек и взвешивает на руке. Потом она бросает его вниз, по склону, и он с тихим всхлипом падает. Она берет еще камешек, поменьше, потом другой, еще меньше. Она бросает все меньшие камешки все дальше и дальше.

— Теперь совсем не слышно, как падают, — говорит она наконец.

— Да, — говорит Роза. — Теперь совсем тихо.

Море почти немое.

А Маргарита бродит ночами одна. Она обвязывает свитер рукавами вокруг шеи и бродит. Наклонится, бросит камень. Или зарывается животом в полосу нежного песка, бегущую вдоль кручи. Она подкладывает руки под голову, и засыпает, и спит, пока не разбудит солнце.

— Ничего, ничего, — говорит она Розе, как-то утробом сбегая к морю купаться.

Они подолгу плавают вдоль берега. Сильно бьет волна, буйков нет, на берегу почти никого. Однажды совсем рядом проходит катер, они машут тянущим канат мужчинам, но те в ответ не машут, а лишь приподнимают подбородки.

Катер уже задирает корму над горизонтом, когда они растираются полотенцами. На море солнечная дорожка.

Альва и Лео медленно ездят взад-вперед по плиточной дорожке за домом. У Лео сдвиги к лучшему. Может быть, он слышит, что они говорят.

Они едут домой в город. Против солнца. Поля сжаты. Утрами сыро. Дорога лесом хлюпает даже в полдень. Они не разговаривают, только слушают Альву, которая воркует с Лео и развлекает его картами.

Конни в первые дни еще нет, и Роза обещала Маргарите пожить у нее и помочь устроиться.

Страшно много хлопот с этими порогами.

Нкое о чем уже не упоминается вслух. А он, кажется, начал их узнавать.

В первое утро по приезде они сдвигают и расставляют мебель, чтоб удобней было ездить. Под вечер идут погулять. Вывозят Лео и Альву на тротуар и предоставляют им самим поупражняться. Тротуар идет под уклоном, и они чуть спускаются, тормозят, поворачивают и вабираются обратно.

— Еще немного, и мы будем съезжать до самого низа одним махом, — говорит Альва.

Они идут в большой парк под названием Парк поэтов. Тут зеленые лужайки, и склоны, и редкие деревья, и заросли кустов, но главное тут — большая зеленая ложбина, на дне которой мерцает старый прудик. К нему клонится ива. Мальчик ворошит воду трухлявой корягой, рядом, глядя на воду, стоит взрослый. Их велосипеды прислонены к дереву. К багажнику подвешена сумка. Мальчик швырнул корягу в воду, и оба поднимаются по склону, усаживаются, вынимают из сумки содовую, пиво, пакеты с едой и начинают свой пикник.

Маргарита и Роза идут поверху с другой стороны парка, подталкивая Альву и Лео. Маргарита толкает Альву, Роза толкает Лео.

— Можно? — спрашивает она Маргариту.

Альва, очень довольная тем, что ее везет Маргарита, объясняет ей разные разности.

Дойдя до развилки, где одна тропка идет поверху, а другая сбегает вниз, к пруду, огибает его и взбегает вверх по другую сторону, они усаживаются на скамейку, на солнышке. Маргарита прикрывает глаза.

Альва катается сама и зовет Лео, но его коляска стоит рядом с Розой, сдерживаемая тормозами, и он улыбается. Теперь выражение лица у него может меняться.

Пруд темный и светлый — все вместе; зависит это от того, как наклонять голову. В него опрокинуты деревья, одинокая туча, неспешно плывущая над парком, и голубая глубь неба.

— Мама! — кричит Альва и катится по тропе. Роза встает и идет за нею. На обочине лежит точилка для карандашей, вот, пусть Роза ее подберет.

Лео Грей видит мерцание воды. Он спускает тормоза и так крутит колеса, что коляску разгоняет по тропе. Она летит вниз, и он радостно кричит.

Маргарита открывает глаза и видит, как он исчезает за вагорком. Она кричит:

— Лео, Лео, стой!

Альва с Розой поворачивают. Роза бежит вниз по склону.

Коляска легко, будто это дело привычное, катит вниз по тропе. Не искривляя курса, она все набирает скорость. Роза, оскользаясь, спешит по склону и плачет. Мальчик на другом берегу встает, отец, жуя, тоже встает и берет его за руку.

Пруд совсем близко. Вот-вот в нем отразится Лео Грей. На подлете к каменному краю коляска сперва одним колесом врывается в иву, потом другим косо ударяется о камень, так что сиденье катапульты наоткос швыряет Лео в воду и само, подпрыгнув, обрушивается в пруд. Замшевое пальто взмокает и взбухает наволочкой. Роза бежит, заломив руки. Совсем высоко едет Альва, не решаясь спускаться. Маргарита идет вниз по тропе.

Незнакомец с мальчиком медленно спускаются по склону, у отца в руке пустой пакет из-под еды.

Лео Грей поднимается со дна и плавает посреди пруда, его начинает прибивать к берегу, когда Роза бросается в воду, и бьется с ним, и переворачивает его лицом вверх. Глаза у него большие, выпученные, и рот открыт, словно разодран в крике.

Роза стоит по пояс в воде и держит его, пока не подходит Маргарита и пока наконец не подходит незнакомец.

Теперь все тихо.

Лео Грея кладут на траву.

Незнакомец вскакивает на велосипед, велит мальчику подождать, мальчик ударяется в слезы, но отец мчится от него к дальней уборной, где есть телефон-автомат.

Розу учили делать искусственное дыхание. Она расстегивает одежду Лео, кладет его так, чтоб изо рта текла вода. Ложится на него всей тяжестью.

— Не надо, — говорит Маргарита. — Не надо, Роза.

Она видит, что чулок у Розы поехал от пятки до коленной чашечки.

Она поднимается к Альве, та плачет навзрыд. Мальчик стоит рядом.

— Это все я, — всхлипывает она, — мне надо было за ним смотреть.

Маргарита гладит Альву по головке.

— Смотри, едут, — говорит она.

Воеет сирена. Заправка перед газоном кончается тем, что машина сминает траву одним колесом. Сильно отстав, крутит педали незнакомец. Он прихватил мороженое для сына. У спасательной группы с собой аппаратура, Лео Грей кладут на носилки и хлопчут над ним. Сбегаются много народа. Маргарита с Розой, держась за руки, стоят в толпе. Альва уткнулась лицом в материнский локоть.

Лео Грей не приходит в себя. Медики сменяют и сменяют друг друга. Он все больше синее. Глаза закатились.

Наконец его увозят. Толпа расходится, оглядывая остающихся. Незнакомцу приходится накачивать шину. В пруду качается обертка от мороженого. Маргарита, высвободясь, выуживает замшевое пальто, Роза вытаскивает коляску. Они идут домой. Маргарита с Альвой. Роза с пустой коляской.

На этот раз она не спрашивала разрешения.

Придя домой, звонят в больницу, ответа нет. Звонят чуть позже.

— Лучше придите, — говорит секретарша.

Маргарита берет такси. Няечки смотрят на нее, она ничего не видит.

— Эх ты, Лео, — говорит она. Что еще сказать. Это все.

Она сумерничает, не зажигая света, с Розой и с Альвой, которая тихонько плачет и плачет, и они неутоленно пересказывают друг другу, как все было, снова видят незнакомца на другом берегу с этим его пакетом от бутербродов и самих себя. Ведь радовались же, что погода хорошая. И Маргарита решила, что можно позволить себе закрыть на минуту глаза.

Маргарита из них — самая спокойная. Она ждала, она хотела этого.

— Но не так, — говорит Роза. — Но не так, Маргарита. Зачем же так?

— Может, он сам этого хотел, — говорит Маргарита. — У него появилось что-то такое в глазах, чего раньше не было. Он ведь понимал нас, во всяком случае, он понимал гораздо больше, чем нам казалось.

— Да? Ты думаешь? — говорит Роза.

Когда вечером звонит Конни и надо ему все сызнова пересказать, Роза говорить не может. Маргарита берет у нее трубку.

— Мне приехать? — спрашивает Конни. — Мне сейчас же приехать?

— Это уж ты сам решай, Конни, — отвечает Маргарита.

— Когда похороны? — спрашивает Конни.

— В крематории назначат. И мне еще звонить родным и Марку. Но вообще-то не раньше послезавтра.

— Я буду завтра поздно вечером, — говорит Конни. — У меня завтра лекция.

— А, конечно, это важно, — говорит Маргарита.

— Мне дико неудобно, — говорит Конни.

— Ну, что ты, — говорит Маргарита. — И может, все к лучшему.

— По-моему, тоже, — говорит Конни. — Для Лео это была бы не жизнь.

— Не знаю, — говорит Маргарита. — Наверное.

— Ты там передай им привет, — говорит Конни.

Она не передала им привет. Они час целый просидели, обнявшись, с Розой.

Сперва она позвонила Оле.

— Ну вот, — сказал он. — Вот с этим и покончено. Действительно, что тут скажешь?

— Может, тебе чем-нибудь помочь? — спросил он. — Со всякими формальностями?

— Надо связаться с Марком, — сказала Маргарита. — Он ведь наследник. Я бы купила у него дом.

— Чуть, — сказал Оле. — Живи себе. Ты имеешь на это полное право после всего, что ты сделала для Лео.

— Ничего я не сделала, Оле, — сказала Маргарита, — просто мне подумать страшно о переезде. Марк ведь живет вместе с целой кучей народа. Попробуй

действовать через университет или студенческий союз. Надо его известить. Но он не придет.

Оле взялся позвонить сестре.

— Ну вот, договорились, — сказала Маргарита. — Больше мы ничего сделать не можем.

— Да, — сказала Оле. — Делать нечего.

Роза плакала, Альва безутешно смотрела в потолок, где кругами, кругами ходили отсветы лампы.

— Перестань, Роза, — сказала Маргарита, — а то я тоже начну.

Розе пришлось улыбнуться. Она утерла лицо обеими ладонями и заложила локоны за уши.

Позвонили.

— Пойду приведу себя в порядок, — сказала Роза, оглаживая юбку.

Это оказался сосед с китайскими яблоками и его жена. Сзади сопел пес.

— Как это ужасно, — сказала жена из-за мужней спины. В руке у нее болтался свободный поводок.

— Нам так жаль, — сказал муж.

— Спасибо, — сказала Маргарита. — Это очень любезно с вашей стороны. Очень, очень любезно.

Она посмотрела на мужа, тот был не брит, потом на жену.

— Может быть, что-нибудь... — сказала жена, — так мы...

— Спасибо, — сказала Маргарита. — Конечно, конечно.

По ту сторону показались другие. Секунду присматривались к стоящим на пороге, потом прошли мимо.

В окнах за их головами ярко горел свет.

После похорон у выхода из крематория Маргариту окружили. Она увидела спускавшуюся со ступенек Эрну и хотела окликнуть, но промолчала.

— Поедем к нам, Маргарита, — сказала Роза. — Что ж ты одна будешь сидеть.

— Спасибо, — говорила Маргарита, — спасибо.

Она посмотрела на Оле.

— Я выпущен ехать, — сказал он.

— Езжай осторожней, — сказала Маргарита.

Сестре с мужем тоже необходимо было ехать.

Начальник Лео тепло жал ее руку, держа шляпу в другой руке.

— Нет, Роза, спасибо, — сказала Маргарита, — не сегодня.

— Но почему же, Маргарита? — спросил Конни. — Мы на тебя рассчитывали.

В дверях показался пастор. Начали спускаться со ступенек. Когда стояли на тротуаре, мимо к своей машине прошла Эрн. Она посмотрела в сторону, потом прямо перед собой и уехала.

— Кто это? — спросила Роза.

— Не знаю, — сказала Маргарита. — Сидела в заднем ряду. Со мной не поздоровалась.

— Сотрудница, — сказала Роза.

— Наверное, — сказала Маргарита.

Она попрощалась. Она поехала домой. Переделалась для сада и принялась полоть и мотыжить. Сначала она была одна, но попозже захлопали двери, застучали, натываясь на камни, мотыги, заработали языки. За ограду заглядывали, но ее оставили в покое. К ограде прирос было пес, но хозяйский окрик тотчас оторвал его.

К грядкам льнули сумерки; она поработала еще, время от времени поднимаясь для роздыха и выходя к свету, который кружил еще над крышами и отчужденно сиял на небоскребах.

Она и не заметила, как домом в сад прошел Марк. Только увидя под ногами его тень, она к нему обернулась. Левая рука у него была на перевязи, и на щеке пластырь.

— Марк, — сказала она.

— Да, — сказал он. — Я опоздал?

— Да, — сказала она. — Но это ничего.

— Я раньше не мог, — сказал он.

Он был все тот же.

— Войдем, — сказала она и пошла первой. В дверях она обернулась.

— Все равно хорошо, что ты приехал, Марк, — сказала она.

Он молча смотрел себе под ноги. Потом, глядя ей прямо в лицо, спросил:

— Ты имеешь в виду наши расчеты?

— Да, — сказала Маргарита. — В том числе.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В. Мамонova.</i> Предисловие	5
<i>Глава 1.</i> Карточный домик	11
<i>Глава 2.</i> Чужая рука	19
<i>Глава 3.</i> Пустоты	28
<i>Глава 4.</i> А в то же время...	37
<i>Глава 5.</i> Тогда же	47
<i>Глава 6.</i> Немного погода	56
<i>Глава 7.</i> Рваные тени	66
<i>Глава 8.</i> Вдоль оград	74
<i>Глава 9.</i> Накануне	84
<i>Глава 10.</i> Еще несколько разговоров	92

П. Себере
ПАСТЫРИ

Художник *А. Ерасов*
Художественный редактор *А. Купцов*
Технический редактор *А. Чуркин*
Корректор *Т. Шустина*

Сдано в производство 21/VII 1971 г. Подписано
к печати 29/XI 1971 г. Бумага 84×108^{1/2}₃₂
бум. л. 1^{3/4}, печ. л. 5,46. Уч.-изд. л. 5,52.
Изд. № 12/13437. Цена 23 к. Зак. № 1195.

Издательство «Прогресс» Комитета по печати при
Совете Министров СССР. Москва, Г-21, Zubовский
бульвар, 21

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинград-
ская типография № 2 им. Евгении Соколовой
Главполиграфпрома Комитета по печати при
Совете Министров СССР. Измайловский пр., 29.

